

Джованьоли Р.

СПАРТАК

ТОМ 1

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Рафаэлло Джованьоли

Спартак. Том 1

«Алисторус»

1874

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ит)

Джованьоли Р.

Спартак. Том 1 / Р. Джованьоли — «Алисторус»,
1874 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03519-7

Раффаэлло Джованьоли (1838—1915) – филолог, историк и писатель; активный участник Рисорджименто – движения за воссоединение Италии. Ему принадлежит ряд исследовательских работ, освещающих историю этого движения. Среди художественных произведений Джованьоли выделяется серия исторических романов из жизни Древнего Рима, самым известным из которых является, несомненно, «Спартак», опубликованный в 1874 г. В первом томе данного издания представлено начало этого романа, в котором Джованьоли, по словам Джузеппе Гарибальди, описал «не лучший, но наиболее блестящий период истории величайшей республики – период, когда надменные властелины мира начинали уже погрязать в тине порока и разврата, но, несмотря на то что это поколение было источено испорченностью и разложением, оно породило исполинов, равных которым не было ни у одного из предыдущих поколений, ни у одного народа и ни в одну эпоху». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ит)

ISBN 978-5-486-03519-7

© Джованьоли Р., 1874
© Алисторус, 1874

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	32
Таверна Венеры Либитины	33
Глава IV	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Раффаэлло Джованьоли

Спартак

Том 1

Капрера, 25 июня 1874 г.

Дорогой мой Джованьоли!

Я залпом прочел вашего «Спартак», несмотря на то что у меня совсем нет времени для чтения; я от него в восторге и восхищен вами.

Надеюсь, что наши сограждане оценят великие достоинства этого произведения и, читая его, убедятся в необходимости сохранять непоколебимую стойкость, когда речь идет о борьбе за святое дело свободы.

Вы, римлянин, описали не лучший, но наиболее блестящий период истории величайшей республики – период, когда надменные властелины мира начинали уже погрязать в тине порока и разврата, но, несмотря на то что это поколение было источено испорченностью и разложением, оно породило исполинов, равных которым не было ни у одного из предыдущих поколений, ни у одного народа и ни в одну эпоху.

«Из всех великих людей величайшим был Цезарь», – сказал знаменитый философ. И действительно, деяния Цезаря возвеличили описанную вами эпоху.

Вы изваяли Спартак, этого Христа – искупителя рабов, резцом Микеланджело. Я, как раб, получивший свободу, благодарю вас за это, а также за то глубокое волнение, которое я испытал, читая ваше произведение.

Не раз слезы катились из глаз моих, не раз чудесные подвиги рудииария приводили меня в волнение, и я был немало огорчен тем, что ваша повесть оказалась такой краткой.

Пусть же воспрянет дух наших сограждан при воспоминании о великих героях, почивших в нашей родной земле, земле, где больше не будет ни гладиаторов, ни господ.

Неизменно ваш *Джузеппе Гарибальди*

Глава I

Щедроты Суллы

За четыре дня до ноябрьских ид¹ (10 ноября) в 675 году римской эры², в период консульства Публия Сервилия Ватия Исаврийского и Аппия Клавдия Пульхра, едва только стало светать, на улицах Рима начал собираться народ, прибывавший из всех частей города. Все шли к Большому цирку³. Из узких, кривых, густо населенных переулков Эсквилина⁴ и Субуры⁵, где жил преимущественно простой люд, валила разношерстная толпа, люди разного возраста и положения; они наводняли главные улицы города – Табернолу, Гончарную, Новую и другие, – направляясь в одну сторону – к цирку.

Ремесленники, неимущие, отпущенники, покрытые шрамами старики гладиаторы, нищие, изувеченные ветераны гордых легионов⁶ – победителей народов Азии, Африки и кимвров⁷, женщины из простонародья, шуты, комедианты, танцовщицы и стайки резвых детей двигались нескончаемой чередой. Оживленные лица, беззаботная болтовня, остроты и шутки свидетельствовали о том, что люди спешат на всенародное излюбленное зрелище.

Вся эта пестрая и шумливая многочисленная толпа наполняла великий город каким-то неясным, смутным, но веселым гулом, с которым могло бы сравниться лишь жужжание тысяч и тысяч ульев, расставленных на улицах.

Римляне сияли от удовольствия; их нисколько не смущало небо, покрытое серыми, мрачными тучами, предвещавшими дождь, а никак уж не хорошую погоду.

С холмов Латия⁸ и Тускула⁹ дул довольно холодный утренний ветер и пощипывал лица. Это легко было заметить по тому, как некоторые из граждан натянули на головы капюшоны плащей, другие надели широкополые шляпы или круглые войлочные шапки; мужчины старались закутаться поплотнее в зимние плащи и тоги¹⁰, а женщины – в длинные просторные столы¹¹ и паллии¹².

Цирк, построенный в 138 году от основания Рима первым из царей Тарквинием Древним, после взятия Апиол был расширен и разукрашен последним из царей, Тарквинием Гордым; он

¹ Иды – по римскому календарю середина месяца: пятнадцатый день марта, мая, июля и октября и тринадцатый день остальных месяцев.

² Римская эра – летосчисление «со дня основания города Рима» (753 г. до н. э.). 675 г. римской эры – 78 г. до н. э. по новому летосчислению.

³ Большой цирк построен, по преданию, легендарным римским царем Тарквинием Древним. Находился между Палатинским и Авентинским холмами; в нем помещалось 150 тысяч зрителей.

⁴ Эсквилин – самый большой и высокий из семи холмов, на которых стоял город Рим. Один из кварталов города.

⁵ Субура – район Рима в долине между холмами Эсквилином, Квириналом и Виминалом и улица того же названия, весьма людная и оживленная.

⁶ Легион – крупнейшее войсковое соединение в римской армии, численностью от пяти до шести тысяч воинов.

⁷ Кимвры – германское племя. В 113–105 гг. до н. э., соединившись с тевтонами и кельтскими племенами, они нанесли римлянам ряд поражений. Римский полководец Марий разбил тевтонов при Аквах Секстиевых в 102 г. до н. э., а в 101 г. до н. э. одержал победу над кимврами в Северной Италии, при Верцеллах. Битва закончилась почти полным уничтожением кимвров.

⁸ Латий – обитатели Рима принадлежали к племени латинов (отсюда и язык, на котором говорили римляне, получил название латинский), жившему в долине между реками Тибром и Апионом, Апеннинским хребтом и Тирренским морем. Эта область называлась Латием.

⁹ Тускул – древний город Латия (ныне Фраскатти).

¹⁰ Тога – римская гражданская верхняя одежда, обычно белая; ее носили по достижении совершеннолетия. Тогу с пурпурной каймой носили дети полноправных граждан и высшие сановники.

¹¹ Стола – длинное, просторное платье римских женщин.

¹² Паллий – просторный плащ, вообще верхнее платье.

стал называться Большим с 533 года римской эры, когда цензор¹³ Квинт Фламиний выстроил другой цирк, названный его именем.

Большой цирк, воздвигнутый в Мурсийской долине между Палатинским и Авентинским холмами, к началу описываемых событий еще не достиг того великолепия и тех обширных размеров, какие придали ему впоследствии Юлий Цезарь и Октавиан Август¹⁴. Все же это было грандиозное и внушительное здание, имевшее в длину две тысячи сто восемьдесят и в ширину девятьсот девяносто восемь римских футов; в нем могло поместиться свыше ста двадцати тысяч зрителей.

Цирк этот имел почти овальную форму. Западная часть его была срезана по прямой линии, а восточная замыкалась полукругом. В западной части был расположен оппидум – сооружение с тринадцатью арками; под средней находился главный вход – так называемые Парадные ворота. Из них перед началом ристалищ на арену выходила процессия жрецов, несших изображения богов. Под остальными двенадцатью арками расположены были конюшни, или «камеры», куда ставили колесницы и лошадей, когда в цирке происходили бега. В дни кровопролитных состязаний, любимого зрелища римлян, там находились гладиаторы и дикие звери. От оппидума амфитеатром шли многочисленные ряды ступенек, служивших скамьями для зрителей; ступеньки пересекались лестницами: зрители всходили по ним, чтобы занять свои места. К этим лестницам примыкали другие, по которым народ направлялся к многочисленным выходам из цирка.

Вверху ряды скамей оканчивались аркадами, предназначенными для женщин, которые пожелали бы воспользоваться этим портиком.

Против Парадных ворот устроены были Триумфальные ворота, через которые входили победители, а с правой стороны оппидума были расположены Ворота смерти; через эти мрачные ворота служители цирка при помощи длинных багров убирали с арены изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

На площадке оппидума находились скамьи для консулов¹⁵ и высших должностных лиц, для весталок¹⁶ и сенаторов¹⁷, тогда как остальные места ни для кого особо не предназначались и не распределялись. По арене между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась низкая стена длиной приблизительно в пятьсот футов, именовавшаяся хребтом; она служила для определения дистанции во время бегов. На обоих ее концах было несколько столбиков, называемых метами. На середине «хребта» возвышался обелиск солнца, а по обеим его сторонам располагались колонны, жертвенники и статуи, среди которых выделялись статуи Цереры и Венеры Мурсийской.

Внутри цирка по всей его окружности шел парапет высотой в восемнадцать футов; он назывался подиумом. Вдоль него пролегал ров, наполненный водой и огороженный железной решеткой. Все это предназначалось для охраны зрителей от возможного нападения диких зверей, которые свирепствовали на арене.

¹³ *Цензоры* – должностные лица, ведавшие цензовой переписью имущества граждан в целях взимания налогов, отдачей на откуп государственных доходов, составлением списков сенаторов и надзором за благонравием населения.

¹⁴ *Октавиан Август* (63 до н. э. – 14 до н. э.) – двоюродный племянник Юлия Цезаря, усыновленный им. В результате длительной гражданской войны Август захватил в свои руки высшую власть в Риме, уничтожил республиканский строй и установил монархию (с 27 г. до н. э.).

¹⁵ *Консул* – для управления республикой в Риме ежегодно избирали двух консулов, которым принадлежала высшая гражданская власть, а во время войны они командовали армиями. В знак высшей власти впереди консула шли двенадцать ликторов со связками прутьев (фасциями), в которые за городской чертой вкладывались топоры в знак того, что вне Рима консул имеет неограниченные полномочия.

¹⁶ *Весталки* – жрицы Весты, богини домашнего очага. Они были связаны обетом безбрачия, обязаны были поддерживать в храме Весты неугасимый огонь.

¹⁷ *Сенатор* – член совета, высшего государственного совета в Риме эпохи республики. В состав сената входили главным образом бывшие магистраты (консулы, преторы и др.). Созывать сенат могли высшие магистраты: диктатор, консул, претор. Сенат представлял интересы крупных землевладельцев.

Таково было в 675 году это грандиозное римское сооружение, предназначенное для зрелищ. В огромное здание цирка, вполне достойное народа, чьи победоносные орлы уже облетели весь мир, устремилась, ежечасно, ежеминутно увеличиваясь, нескончаемая толпа плебеев, всадников¹⁸, патрициев, матрон; вид у всех был беззаботный, как у людей, которых ждет веселая и приятная забава.

Что же происходило в этот день? Что праздновалось? Какое зрелище привлекло в цирк такое множество народа?

Луций Корнелий Сулла Счастливый¹⁹, властитель Италии, человек, наводивший страх на весь Рим, велел объявить несколько недель назад – быть может, для того, чтобы отвлечь свои мысли от неисцелимой кожной болезни, которая мучила его уже два года, – что в продолжение трех дней римский народ будет пировать за его счет и наслаждаться зрелищами.

Уже накануне на Марсовом поле²⁰ и на берегу Тибра римские плебеи восседали за столами, накрытыми по приказу свирепого диктатора. Они шумно угощались до самой ночи, а затем пир перешел в разнузданную оргию. Заклятый враг Гая Мария²¹ устроил это пиршество с неслыханной, царской пышностью: в триклинии²², наскоро сооруженном под открытым небом, римлянам подавались в изобилии самые изысканные кушанья и тонкие вина.

Сулла Счастливый проявил неслыханную щедрость: на эти празднества и игры, устроенные в честь Геркулеса, он пожертвовал десятую часть своих богатств. Избыток приготовленных кушаний был так велик, что ежедневно огромное количество яств бросали в реку; вина подавали сорокалетней давности.

Так Сулла дарил римлянам левой рукой часть тех богатств, которые награбила его правая рука. Квириды²³, в глубине души не терпевшие Луция Корнелия Суллу, принимали, однако, с невозмутимым видом угощение и развлечения, которые устраивал для них человек, страстно ненавидевший весь римский народ.

День вступал в свои права. Животворные лучи солнца то тут, то там прорывались сквозь тучи и, разгораясь, золотили вершины десяти холмов, храмы, базилики и беломраморные стены патрицианских дворцов. Солнце согрело благодатным теплом плебеев, разместившихся на скамьях Большого цирка.

В цирке уже сидело свыше ста тысяч граждан в ожидании самых излюбленных римлянами зрелищ: кровопролитного сражения гладиаторов и боя с дикими зверями.

Среди этих ста тысяч зрителей восседали на лучших местах матроны, патриции, всадники, откупщики, менялы, богатые иностранцы, которые приезжали со всех концов Италии, стекались со всего света в Вечный город.

Несмотря на то что баловни судьбы являлись в цирк позже неимущего люда, им доставались лучшие и более удобные места. Среди разнообразных и малоутомительных занятий многих римских граждан, у которых зачастую не было хлеба, а временами и крова, но которых

¹⁸ *Всадники* – крупные римские торговцы и ростовщики, второе цензовое сословие Рима после сенатской аристократии. Его название связано с тем, что из этого сословия длительное время рекрутировалась римская конница (служба, которая требовала высокого имущественного положения).

¹⁹ *Луций Корнелий Сулла Счастливый* (138—78 до н. э.) – глава аристократической группировки. Захватив власть в 82 г. до н. э., объявил себя диктатором и удерживал диктатуру до 79 г. до н. э. В 88 г. до н. э. Сулла был избран консулом и возглавлял римское войско в войне против понтийского царя Митридата. В 83 г. до н. э., восстановив римское господство на Востоке, Сулла вернулся в Рим и вынудил сенат предоставить ему неограниченные полномочия диктатора. В эпоху кровавой диктатуры Суллы закладывались основы Римской империи.

²⁰ *Марсово поле* – военный плац на берегу Тибра, а также место собраний центуриатных комиций.

²¹ *Гай Марий* (156—86 до н. э.) – римский полководец и политический деятель; пользовался поддержкой плебса, семь раз избирался консулом. Возглавлял борьбу с Суллой.

²² *Триклиний* – столовая в доме богатого римлянина, в которой находился стол с примыкавшими к нему с трех сторон ложами.

²³ *Квириды* – торжественное наименование римских граждан. Римляне почитали в числе своих богов наравне с Марсом (богом войны) Квирина, которого считали обожествленным Ромулом (один из легендарных основателей Рима).

никогда не покидала гордость, всегда готовых воскликнуть: «Noli me tangere – civis romanus sum!» («Не прикасайтесь ко мне – я римский гражданин!»), была одна своеобразная профессия, заключающаяся в том, что нищие бездельники заблаговременно отправлялись на публичное зрелище и занимали лучшие места для богатых граждан и патрициев; те приезжали в цирк, когда им заблагорассудится, и, заплатив три или четыре сестерция, получали право на хорошее место.

Трудно вообразить, какую величественную картину являл собою цирк, заполненный более чем стотысячной массой зрителей обоего пола, всех возрастов и всякого положения. Представьте себе красивые переливы красок разноцветных одежд – латиклав²⁴, ангустиклав²⁵, претекст²⁶, стол, туник, пеплумов²⁷, паллиев; шум огромной толпы, похожий на подземный гул вулкана; мелькание голов и рук, подобное яростному и грозному волнению бурного моря! Но все это может дать только отдаленное понятие о той великолепной картине, которую представлял собою в этот час Большой цирк.

То тут, то там простолюдины, сидевшие на скамьях, извлекали запасы захваченной из дома провизии. Ели с большим аппетитом – кто ветчину, кто холодное вареное мясо или кровяную колбасу, а кто пироги с творогом и медом или сухари. Еда сопровождалась всяческими шутками и прибаутками, беззаботной болтовней, громким хохотом и возлияниями вин: велитернского, массикского, тускульского.

Повсюду шла бойкая торговля: продавцы жареных бобов, лепешек и пирожков сбывали свой товар плебеям, раскупавшим эти дешевые лакомства, чтобы побаловать своих жен и детей. А затем благодушно настроенным покупателям приходилось, разумеется, подзывать и продавцов вина, чтобы утолить жажду, вызванную жареными бобами. Они пили налитую в стаканчики кислятину, которую разносчики без зазрения совести выдавали за тускульское.

Семьи богачей, всадников и патрициев, держась отдельно от плебса, вели веселую, оживленную беседу, выказывая подчеркнутое достоинство манер.

Разодетые в пух и прах щеголи расстилали циновки и ковры на жестких каменных сиденьях, держали раскрытые зонты над головами прекрасных матрон и очаровательных девушек, оберегая их от жгучих лучей солнца.

В третьем ряду, почти у самых Триумфальных ворот, между двумя патрициями сидела матрона блистательной красоты. Гибкий стан, стройная фигура, прекрасные плечи свидетельствовали о том, что это была истинная дочь гордого Рима.

Правильные черты лица, высокий лоб, тонкий красивый нос, маленький рот и большие черные живые глаза – все в этой женщине дышало неизъяснимым очарованием. Черные как вороново крыло, густые и мягкие кудри падали ей на плечи и были скреплены надо лбом диадемой, осыпанной драгоценными камнями. Туника из белой тончайшей шерсти, обшитая внизу золотой полосой, обрисовывала ее прелестную фигуру. Поверх туники, ниспадавшей красивыми складками, был накинута белая паллий с пурпурной каймой.

Этой роскошно одетой красавице не исполнилось, вероятно, еще и тридцати лет. То была Валерия, дочь Луция Валерия Мессалы, сестра Квинта Гортензия²⁸, знаменитого оратора, соперника Цицерона, который стал консулом в 685 году. За несколько месяцев до начала нашего повествования Валерия развелась со своим первым мужем.

Рядом с Валерией сидел Эльвий Медуллий, существо длинное, бледное, худое, холерное, прилизанное, надушенное, напомаженное и разукрашенное; все пальцы его были унизаны

²⁴ *Латиклава* – туника с широкой пурпурной каймой, которую носили сенаторы.

²⁵ *Ангустиклава* – туника с узкой пурпурной каймой, отличительный знак всаднического сословия.

²⁶ *Претекста* – окаймленная пурпуром тога, которую носили магистры и жрецы, а также мальчики высших сословий до шестнадцатилетнего возраста.

²⁷ *Пеплум* – просторное женское платье из тончайшей ткани.

²⁸ *Квинт Гортензий* (114—50 до н. э.) – известный римский оратор.

золотыми кольцами с самоцветными камнями, с шеи спускалась золотая цепь тонкой работы. Элегантный наряд дополняла тросточка из слоновой кости, которой Медуллий весьма изящно играл.

На неподвижном и невыразительном лице аристократа лежала печать скуки и апатии; ему было только тридцать пять лет, а уже все на свете ему надоело. Эльвий Медуллий принадлежал к высшей римской знати, изнеженной, проводившей жизнь в кутежах и празднествах и предоставлявшей плебеям право сражаться и умирать за отечество и его славу.

По другую руку Валерии Мессалы сидел Марк Деций Цедиций, патриций лет пятидесяти, с открытым, веселым и румяным лицом, приземистый, коренастый толстяк с объемистым брюшком; выше всего он почитал утехы чревоугодия и большую часть времени проводил за столом в триклинии. Полдня у него уходило на отвеживание изысканнейших лакомых блюд и соусов, приготовляемых его знаменитым поваром, который славился своим искусством на весь Рим; вторую половину дня этот патриций занят был мыслями о вечерней трапезе и предвкушением радостей, которые он снова испытает в триклинии.

Спустя несколько времени сюда пришел и Квинт Гортензий, чье красноречие снискало ему мировую славу.

Квинту Гортензию не было еще тридцати шести лет. Он посвятил много времени и труда изучению искусства пластики, различных приемов выражения мыслей и достиг столь высокого совершенства в искусстве сочетать жесты с речью, что, где бы он ни появлялся – в сенате ли, в триклинии ли, в любом другом месте, – каждое его движение было исполнено достоинства и благородства, которое казалось врожденным и поражало всех. Одежда его неизменно была темного цвета, но зато складки латиклава ниспадали так гармонично и были уложены так обдуманно, что выгодно оттеняли его красоту и величавость осанки.

К этому времени он уже успел отличиться в сражениях против италийских союзников Марсийской²⁹, или гражданской, войны и за два года получил сначала чин центуриона³⁰, а затем и трибуна³¹.

Надо сказать, что Гортензий выделялся не только ученостью и высоким даром слова, – он был также искуснейшим актером; половиной своего успеха Гортензий обязан был прекрасно звучавшему голосу и тонким декламаторским приемам, которыми он владел в совершенстве и пользовался так умело, что, когда он произносил речь, известнейший трагик Эзоп³² и знаменитый актер Росций³³ спешили на Форум; оба пытались постигнуть тайны декламаторского искусства, которыми Гортензий пользовался с таким блеском.

Пока Гортензий, Валерия, Эльвий и Цедиций вели беседу и, по выраженному Валерией желанию, вольноотпущеннику было приказано принести таблички, на которых значились имена гладиаторов, сражавшихся в тот день, процессия жрецов с изображениями богов уже обошла «хребет», и на его площадке были установлены эти изображения.

Неподалеку от того места, где сидели Валерия и ее собеседники, стояли два подростка, одетые в претексты – белые тоги с пурпурной каймой; мальчиков сопровождал воспитатель.

Одному из его питомцев было четырнадцать лет, другому – двенадцать. Оба отличались чисто римским складом лица – худощавые, с резкими чертами и широким лбом. Это были

²⁹ *Марсийская, или Союзническая, война* – война, которую вели в 90–88 гг. до н. э. против Рима племена и города Италии, добивавшиеся от римского сената прав гражданства. Наиболее активную роль в войне играло племя марсов.

³⁰ *Центурион* – начальник центурии, войскового подразделения, численностью около ста человек.

³¹ *Трибун* – первоначально начальник трибы, то есть одной из трех частей, на которые в первое время были разделены граждане Рима; впоследствии – народные трибуны, которых сначала было два, затем (с 457 г. до н. э.) десять. Избирались они из среды плебеев с целью охранять интересы своего сословия. Трибуны имели право отвергать распоряжения консулов и сената.

³² *Эзоп Клодий* – знаменитый трагический актер, современник и друг Цезаря.

³³ *Квинт Росций Галл* – выдающийся актер, друг Цицерона; был рабом и выкуплен на волю. Чаще всего играл в комедиях без маски и был неподражаем в исполнении ролей, требующих живой мимики и жестикуляции.

Цепион и Катон³⁴ из рода Порциев, внуки Катона Цензора³⁵, который прославился во время Второй Пунической войны³⁶ непримиримой враждой к Карфагену; он требовал, чтобы Карфаген был разрушен во что бы то ни стало.

Младший из братьев, Цепион, казавшийся более разговорчивым и приветливым, часто обращался к своему воспитателю Сарпедону, тогда как юный Марк Порций Катон стоял молчаливый и надутый, с брюзгливым, сердитым видом, совсем не соответствовавшим его возрасту. Уже с ранних лет он обнаружил непреклонную волю, стойкость и непоколебимость убеждений. Рассказывали, что, когда ему было еще только восемь лет, Марк Помпедий Силон, один из военачальников во время войны италийских городов против Рима, явился в дом дяди мальчика, Друза, схватил Катона и поднес к окну, угрожая выбросить на мостовую, если он откажется просить дядю за итальянцев. Помпедий тряс его и грозил, но ничего не добился: Марк Порций Катон не проронил ни слова, не сделал ни одного движения, ничем не выразил согласия или страха. Врожденная твердость души, изучение греческой философии, в особенности философии стоиков, и подражание суровому деду выработали у этого четырнадцатилетнего юноши характер доблестного гражданина.

Над Триумфальными воротами, неподалеку от одного из выходов, сидел, также со своим наставником, мальчик из другой патрицианской семьи, оживленно разговаривавший с юношей лет семнадцати. Хотя юноша и был одет в тогу, которую полагалось носить по достижении совершеннолетия, над губой у него едва пробивался пушок. Он был небольшого роста, болезненный и слабый на вид, но на бледном лице, обрамленном черными блестящими волосами, сияли большие черные глаза; в них светился высокий ум.

Этот семнадцатилетний юноша был Тит Лукреций Кар³⁷. Он происходил из знатного римского рода и впоследствии обессмертил свое имя поэмой «О природе вещей». Его собеседнику, сильному и смелому двенадцатилетнему мальчику, Гаю Кассию Лонгину³⁸, сыну бывшего консула Кассия, суждено было сыграть выдающуюся роль в событиях, предшествовавших падению республики.

Лукреций и Кассий вели оживленную беседу. Будущий великий поэт последние два-три года часто бывал в доме Кассия, научился ценить в юном Лонгине его острый ум и благороднейшую душу и сильно привязался к нему. Кассий также любил Лукреция. Их влекли друг к другу одни и те же чувства и стремления, оба они одинаково относились к людям и богам.

Поблизости от Лукреция и Кассия сидел Фавст, сын Суллы, хилый, худой рыжеволосый подросток; с его бледного лица еще не сошли синяки и ссадины – следы недавней драки; голубые глаза смотрели злобно и спесиво – ему льстило, что на него указывают пальцем как на счастливого сына счастливого диктатора.

На арене сражались с похвальным жаром, но без ущерба для себя молодые, еще не обученные гладиаторы, вооруженные учебными палицами и деревянными мечами. Этим зрели-

³⁴ *Марк Порций Катон* (95—46 до н. э.), посмертно прозванный Утическим, – правнук Катона Старшего, государственный деятель консервативного направления. Во время гражданской войны бежал от Цезаря в Сицилию, к Помпею, потом на Родос и примкнул к республиканцам. После поражения помпеянцев при Тапсе в 46 г. до н. э. оборонялся с гарнизоном в Утике (Африка). Окончил жизнь самоубийством, чтобы не сдаться Цезарю.

³⁵ *Катон Цензор* – Марк Порций Катон Старший (234—149 до н. э.), римский политический деятель и ученый. Известен своим консерватизмом; был непримиримым врагом Карфагена.

³⁶ *Вторая Пуническая война* – вторая война с Карфагеном, длилась с 218 г. по 201 г. до н. э. и закончилась мирным договором между Римом и Карфагеном, окончательно утратившим свое могущество.

³⁷ *Тит Лукреций Кар* – великий римский поэт и ученый (ок. 98—55 до н. э.). В поэме «О природе вещей» Лукреций дал яркое и оригинальное изложение атомистического учения греческого философа Эпикура (III в. до н. э.). Это изложение разворачивается у него в целую систему материалистического мировоззрения. Поэма Лукреция развивает мысль о вечности материи, прославляет человеческий разум и воспекает неисчерпаемую жизненную силу природы. Маркс называл Лукреция «свежим, смелым, поэтическим властелином мира».

³⁸ *Гай Кассий Лонгин* (ок. 85—42 до н. э.) – вначале сторонник Цезаря, впоследствии один из организаторов его убийства.

щем развлекали зрителей до прибытия консулов и Суллы, устроившего для римлян любимую забаву и развлечение.

Бескровное сражение, однако, не доставляло никому удовольствия и никого не интересовало, кроме ветеранов-легионеров и рудиириев³⁹, оставшихся в живых после сотни состязаний. Вдруг по всему огромному амфитеатру гулко прокатились шумные и довольно дружные рукоплескания.

– Да здравствует Помпей!...⁴⁰ Да здравствует Гней Помпей! Да здравствует Помпей Великий! – восклицали тысячи зрителей.

Помпей, вошедший в цирк, занял место на площадке оппидума, рядом с весталками, которые собрались тут в ожидании кровавого зрелища, столь любимого этими девственницами, посвятившими себя культу богини целомудрия. Помпей приветствовал народ изящным поклоном и, поднося руки к губам, в знак благодарности посылал поцелуи.

Гнею Помпею было около двадцати восьми лет; он был высок ростом, крепкого, геркулесовского сложения, густые волосы, покрывавшие его крупную голову, росли на лбу очень низко, чуть ли не срастаясь с бровями, нависшими над большими черными глазами красивого миндалевидного разреза; впрочем, глаза у него были малоподвижны и невыразительны; строгие и резкие черты лица и могучие формы тела создавали впечатление мужественной красоты. Конечно, внимательно присмотревшись к его неподвижному лицу, наблюдатель нашел бы, что на нем не запечатлелись великие мысли и деяния человека, которому предстояло в течение двадцати лет занимать первое место в Римской империи. Как бы то ни было, но уже в возрасте двадцати пяти лет он вернулся победителем из похода в Африку, заслужил триумф⁴¹ и даже самим Суллой – вероятно, в минуту какого-то особого благоволения – был назван Великим. Каково бы ни было мнение о Помпее, его заслугах, деяниях, удачах, но в тот день, когда он вошел в Большой цирк, 10 ноября 675 года, симпатии римского народа были на его стороне. В двадцать пять лет он уже был триумфатором и заслужил любовь своих легионов, состоявших из ветеранов, закаленных в невзгодах и опасностях тридцати сражений: они провозгласили его императором⁴².

Может быть, подчеркнутое пристрастие к Помпею отчасти объяснялось тайной ненавистью плебеев к Сулле: не имея возможности проявить эту ненависть иным путем, они изливали ее в бурных рукоплесканиях и похвалах молодому другу диктатора, единственному человеку, способному совершать ратные подвиги, равные подвигам Суллы.

Вслед за Помпеем прибыли консулы Публий Сервилий Ватий Исаврийский и Аппий Клавдий Пульхр, которые должны были оставить свои посты 1 января следующего года. Впереди Сервилия, исполнявшего обязанности консула в текущем месяце, шли ликторы, а впереди Клавдия, исполнявшего обязанности консула в прошлом месяце, шли ликторы с фасциями.

Когда консулы появились на площадке оппидума, в цирке все встали, чтобы выразить должное уважение к высшей власти в республике.

Сервилий и Клавдий опустили на свои места, вслед за ними сели и все зрители; сели и два будущих консула – Марк Эмилий Лепид⁴³ и Квинт Лутаций Катулл, которые выбраны были на следующий год в сентябрьских комициях⁴⁴.

³⁹ Рудиирий – гладиатор, получивший свободу.

⁴⁰ Помпей Великий (106—48 до н. э.) – римский государственный деятель и полководец. В 60 г. до н. э. участвовал в первом триумvirате с Цезарем и Крассом, но в 49 г. до н. э. разошелся с Цезарем, был разбит в битве при Фарсале в 48 г. до н. э., бежал в Египет и был там убит.

⁴¹ Триумф – наивысшая почесть, оказывавшаяся римскому полководцу, одержавшему решительную победу над неприятелем. Согласие на триумф давал сенат.

⁴² Император – почетный титул, который давался военачальнику, одержавшему серьезную победу над врагом (другое значение это звание получило только в период империи).

⁴³ Марк Эмилий Лепид в 80 г. до н. э. занимал должность наместника Сицилии. В 78 г. до н. э., будучи консулом, пытался уничтожить распоряжения Суллы. Вооруженное выступление Лепида против сулланцев Помпея и Катулла оказалось неудач-

Помпей приветствовал Сервилия и Клавдия, они ответили ему любезно, почти подострастно; затем Помпей поднялся и подошел пожать руку Марку Лепиду, обязанному ему своим избранием; Гней Помпей использовал для этого свою большую популярность, вопреки желанию Суллы.

Лепид встретил молодого императора почтительными изъявлениями преданности; они стали беседовать; второму же консулу, Лутацию Катулле, Помпей поклонился сдержанно и важно.

Несмотря на то что во время избрания консулов Сулла уже не был диктатором, он сохранил свое могущество и теперь употребил все свое влияние против кандидатуры Лепида, считая – и не напрасно, – что тот в душе был его противником и сторонником Гая Мария. Но именно эта оппозиция Суллы и благосклонная поддержка Помпея создали в комициях положение, при котором кандидатура Лепида взяла верх над кандидатурой Лутация Катуллы, которого поддерживала партия олигархов. За это Сулла упрекал Помпея и твердил, что он на выборах в консулы поддерживал худшего из граждан и противодействовал избранию лучшего.

Как только прибыли консулы, выступление молодых гладиаторов прекратилось, а те гладиаторы, которым действительно предстояло сражаться в этот день, приготовились к выходу из камер, чтобы, согласно обычаю, продефилировать перед властями; они ждали только сигнала.

Все глаза были устремлены на оппидум, все ждали, когда консулы подадут знак к началу боя. Но консулы, окидывая взглядом ряды амфитеатра, как будто искали кого-то, желая испросить разрешения. Действительно, они ждали Луция Корнелия Суллу, человека, сложившего с себя звание диктатора и все же оставшегося властителем Рима.

Наконец раздались рукоплескания, сначала слабые и редкие, затем все более шумные и дружные, отдаваясь эхом по арене. Взгляды присутствующих устремились к Триумфальным воротам, через которые в сопровождении сенаторов, друзей и приверженцев в это время входил Луций Корнелий Сулла.

Этому удивительному человеку было тогда пятьдесят девять лет. Он был довольно высок ростом, хорошо и крепко сложен; шел он медленно и вяло, как человек, силы которого истощались, – это было следствием пьяных оргий, которым он предавался всю жизнь, а теперь более, чем когда-либо. Но главной причиной его расслабленной поступи была изнурительная и неизлечимая болезнь, наложившая на его черты, на весь его облик печать преждевременной старости.

Лик Суллы был поистине ужасен. Правда, черты его были правильны и гармоничны: высокий лоб, крупный нос с раздувающимися, словно у льва, ноздрями, несколько большой рот с выпуклыми властными губами. Его можно было бы назвать даже красивым, в особенности представив себе эти черты в обрамлении густых белокурых волос с рыжеватым оттенком; лицо это освещалось серо-голубыми глазами, живыми, глубокими и пронизательными. Это были светлые орлиные очи, но нередко они походили и на глаза гиены; в жестоком их взгляде можно было прочесть желание повелевать и жажду крови.

Когда Сулла воевал в Азии против Митридата, его попросили уладить спор, возникший между царем каппадокийским⁴⁵ Ариобарзаном⁴⁶ и царем парфянским, отправившим к нему своего посла Оробаза. В посольской свите Оробаза был некий халдеец, знаток магии, который по лицам людей определял их душевные способности. Всмотревшись в черты Суллы, он подивился выразительному блеску его звериных глаз и сказал: «Этот человек непременно будет великим, и я удивлен, как он терпит, что до сих пор еще не стал первым среди людей».

ным. Помпей разбил войско Лепида в Верхней Италии. Лепид бежал в Сардинию, где вскоре умер (77 г. до н. э.).

⁴⁴ *Комиции* – народное собрание свободных граждан в Древнем Риме.

⁴⁵ *Каппадокия* – область в восточной части Малой Азии.

⁴⁶ *Ариобарзан* – царь Каппадокии; был изгнан Митридатом и вновь возвращен на престол Суллой.

Возвращаясь к Сулле, портрет которого мы здесь набросали, надо объяснить, почему мы назвали его лицо ужасным; оно было поистине страшным: покрытое какой-то грязноватой сыпью, с рассеянными там и сям белыми пятнами, оно было похоже, согласно злой остроте одного афинского шутника, на лицо мавра, осыпанное мукой.

Если лицо Суллы было таким в молодости, то легко понять, каким страшным оно стало с годами; в жилах диктатора текла дурная золотушная кровь, а оргии, которым он усердно предавался, обострили болезнь. Белые пятна и струпья, уродовавшие его лицо, увеличились числом, и теперь уж все его тело было усеяно гнойными язвами.

Ступая медленно, с видом пресыщенного человека, Сулла вошел в цирк. Вместо национального паллия или же традиционной тоги на нем была наброшена поверх туники из белоснежной шерсти, затканной золотыми арабесками и узорами, нарядная хламида огненно-красного цвета, отороченная золотом; на правом плече она скреплялась золотой застежкой, в которую были вправлены драгоценные камни, искрившиеся и переливавшиеся в лучах солнца. Сулла, презиравший весь род людской, в особенности своих сограждан, был первым из немногих, надевших греческую хламиду. У него была палка с золотым набалдашником, на котором с величайшим искусством был выгравирован эпизод из битвы под Орхоменом в Беотии, где Сулла разбил наголову Архелая⁴⁷, наместника Митридата. Резчик изобразил, как колено-преклоненный Архелай сдается Сулле. На безымянном пальце правой руки у диктатора было кольцо с большой камеей из кроваво-красной яшмы, оправленной в золото; на камне была изображена сцена выдачи Бокхом⁴⁸ царя Югурты. Сулла носил это кольцо не снимая со дня триумфа Гая Мария и постоянно хвастался им, что вполне соответствовало его характеру. Это кольцо стало первой искрой, зажегшей пламя пагубного раздора между Суллой и Марием.

При громе рукоплесканий сардоническая улыбка искривила губы Суллы, и он вполголоса произнес:

– Рукоплещите, рукоплещите, глупые бараны!

В это время консулы подали сигнал к началу зрелищ; сто гладиаторов вышли из камер и колонной двинулись по арене.

В первом ряду выступали ретиарий⁴⁹ и мирмиллон⁵⁰, которые должны были сражаться первыми, и хотя недалеко была та минута, когда одному из них было суждено убить другого, они шли, спокойно беседуя. За ними следовало девять лаквеаторов⁵¹; в руках они держали трезубцы и сети, которые должны были накидывать на девятерых секуторов⁵², вооруженных щитами и мечами.

Вслед за этими девятью парами шли тридцать пар гладиаторов, которые должны были сражаться друг против друга, по тридцать бойцов с каждой стороны, как бы повторяя в малых размерах настоящее сражение. Тридцать из них были фракийцы, другие тридцать – самниты; все красивые и молодые, рослые, сильные и мужественные люди.

Гордые фракийцы были вооружены короткими, кривыми мечами; в руках они держали небольшие квадратные щиты с выпуклой поверхностью, головы защищены шлемами без забрала; это было их национальное вооружение. Все они были в коротких ярко-красных туниках, на шлемах развевались по два черных пера. У тридцати самнитов было вооружение воинов народа Самния: короткий прямой меч, небольшой закрытый шлем с крыльями, маленький

⁴⁷ *Архелай* – один из полководцев понтийского царя Митридата.

⁴⁸ *Бокх* – тесть нумидийского царя Югурты, с которым римляне вели войну в последние годы II в. до н. э. (Югуртинская война). Вначале Бокх выступал на стороне Югурты. После решительных побед, одержанных Марием (106 г. до н. э.), Бокх, ведший переговоры с квестором Марией Суллой, выдал Югурту римлянам.

⁴⁹ *Ретиарий* – гладиатор, вооруженный трезубцем и сетью.

⁵⁰ *Мирмиллон* – гладиатор в галльском вооружении, с изображением рыбки на острие шлема.

⁵¹ *Лаквеатор* – гладиатор, вооруженный трезубцем и петлей.

⁵² *Секутор* – гладиатор, вооруженный мечом и щитом.

квадратный щит и железный наручник, закрывавший правую руку, не защищенную щитом, и, наконец, надколенник, который защищал левую ногу. Самниты были в голубых туниках, на шлемах у них развевались белые перья.

Шествие завершали десять пар андабатов в белых туниках; вооружены они были только короткими клинками, скорее похожими на ножи, чем на мечи; на головах их были шлемы с опущенными глухими забралами, в которых прорезаны были неправильно расположенные и чрезвычайно маленькие отверстия для глаз. Эти двадцать несчастных, брошенных на арену, сражаясь друг с другом, словно играли в жмурки; они долго развлекали публику, вызывая взрывы хохота, до тех пор, пока лорарии, подгоняя противников раскаленными железными прутьями, не сталкивали их вплотную, чтобы они убивали друг друга.

Сто гладиаторов обходили арену под рукоплескания и крики зрителей. Подойдя к тому месту, где сидел Сулла, они подняли голову и, согласно наставлению, данному им ланистой⁵³ Акцианом, воскликнули хором:

– Привет тебе, диктатор!

– Ну что ж, хороши! – заметил Сулла, обращаясь к окружающим. Он осматривал дефилировавших мимо него гладиаторов опытным глазом победителя во многих сражениях. – Храбрые и сильные юноши! Нам предстоит красивое зрелище. Горе Акциану, если будет иначе! За эти пятьдесят пар гладиаторов он взял с меня двести двадцать тысяч сестерций, мошенник!

Процессия гладиаторов обошла арену цирка, приветствовала консулов и вернулась в камеры. На арене, сверкающей, как серебро, остались лицом к лицу только два человека: мирмиллон и ретиарий.

Все затихло, и глаза зрителей устремились на двух гладиаторов, готовых к схватке. Мирмиллон, галл по происхождению, белокурый, высокий, ловкий и сильный красавец, в одной руке держал небольшой щит, а в другой – широкий и короткий меч, на голове у него был шлем, увенчанный серебряной рыбой. Ретиарий, вооруженный только трезубцем и сетью и одетый в простую голубую тунику, стоял в двадцати шагах от мирмиллона и, казалось, обдумывал, как лучше поймать его в сеть. Мирмиллон, подавшись корпусом вперед и опираясь на вытянутую левую ногу, держал меч почти опущенным к правому бедру, ожидая нападения.

Внезапно, сделав огромный прыжок, ретиарий очутился в нескольких шагах от мирмиллона и с быстротой молнии бросил на противника сеть. Но тот отскочил и, пригнувшись к самой земле, увернулся от сети, затем ринулся на ретиария, который, поняв свой промах, пустился бежать. Мирмиллон бросился преследовать его, но ретиарий, более ловкий, описав полный круг, успел добежать до того места, где лежала сеть, и подобрал ее. Едва он выпрямился, как мирмиллон настиг его, и в тот миг, когда он готов был обрушить на ретиария страшный удар, тот повернулся и кинул на противника сеть. Мирмиллон на четвереньках отполз в сторону, быстрым прыжком вскочил на ноги, и ретиарий, уже направивший на него трезубец, только царапнул остриями по щиту галла. Тогда ретиарий снова бросился бежать.

Толпа недовольно загудела: она считала себя оскорбленной тем, что гладиатор осмелился выступать в цирке, не умея в совершенстве владеть сетью.

На этот раз мирмиллон, вместо того чтобы бежать за ретиарием, повернул в ту сторону, откуда мог ожидать приближения противника, и остановился в нескольких шагах от сети. Ретиарий, разгадав его маневр, помчался обратно, держась около хребта арены. Добежав до Триумфальных ворот, он перескочил через хребет и очутился в другой части цирка, около своей сети. Мирмиллон, поджидавший тут ретиария, набросился на него и стал наносить удары, а тысячи голосов кричали в ярости:

– Бей его, бей! Убей ретиария! Убей разиню! Убей труса! Убей, убей! Пошли его ловить лягушек на берегах Ахеронта!

⁵³ Ланиста – учитель гладиаторов, а также содержатель школы гладиаторов, торговавший ими.

Ободренный криками толпы, мирмиллон продолжал наступать на ретиария, а тот, сильно поблдев, старался держать противника на расстоянии, размахивал трезубцем, кружил вокруг мирмиллона, напрягая все силы и стараясь схватить свою сеть.

Неожиданно мирмиллон, подняв левую руку, отбил щитом трезубец и проскользнул под ним; его меч готов был поразить грудь ретиария, как вдруг последний ударил трезубцем по щиту противника и бросился к сети, однако недостаточно ловко и быстро: меч мирмиллона ранил его в левое плечо; брызнула сильной струей кровь. Но ретиарий все же убежал со своей сетью. Сделав шагов тридцать, он повернулся к противнику и громко закричал:

– Рана легкая! Пустяки!..

Минуто спустя он стал напевать:

Приди, приди, красавец галл.

Я не тебя ищу, а рыбу...

Приди, приди, красавец галл!

Веселый взрыв смеха послышался после строфы, пропетой ретиарием; его хитрая выдумка удалась: он завоевал симпатии публики; раздались аплодисменты в честь безоружного, раненого, истекающего кровью человека, которому жизненный инстинкт подсказывал, что надо найти в себе мужество шутить и смеяться.

Взбешенный насмешками противника, загоревшись завистью, ибо толпа явно выказывала теперь симпатию ретиарию, мирмиллон с яростью набросился на него. Но ретиарий, отступая прыжками и ловко избегая ударов, крикнул:

– Приди, галл! Сегодня вечером я пошлю доброму Харонту жареную рыбу!

Эта новая шутка еще больше развеселила толпу и вызвала новое нападение мирмиллона. На этот раз ретиарий очень удачно набросил свою сеть – его враг запутался в ней. Толпа неистово рукоплескала.

Мирмиллон, стараясь освободиться, все больше запутывался в сети; зрители громко хохотали. Ретиарий помчался к тому месту, где лежал трезубец, поднял его и, возвращаясь бегом, закричал:

– Харонт получит рыбу! Харонт получит рыбу!

Однако, когда он приблизился к своему противнику, тот отчаянным усилием могучих рук разорвал сеть, и она упала к его ногам, освободив руки. Он мог теперь встретить нападение врага, но двигаться ему было невозможно.

Толпа снова разразилась рукоплесканиями. Она напряженно следила за каждым движением, за каждым приемом противников. Исход поединка зависел от любой случайности. Лишь только мирмиллон разорвал сеть, ретиарий подбежал к нему и, изловчившись, нанес сильный удар трезубцем. Мирмиллон отразил удар с такой силой, что щит разлетелся на куски. Но трезубец все-таки ранил гладиатора; брызнула кровь – на его обнаженной руке было теперь три раны. Почти в то же мгновение мирмиллон схватил левой рукой трезубец и, бросившись всей тяжестью тела на противника, вонзил ему лезвие меча до половины в правое бедро. Раненый ретиарий, оставив трезубец в руках противника, побежал, обагрив кровью арену, и, сделав шагов сорок, упал на колено, затем рухнул навзничь. Мирмиллон, увлеченный силой удара и тяжестью своего тела, тоже свалился, затем поднялся, высвободил ноги из сетей и ринулся на упавшего противника.

Толпа бешено рукоплескала в эти последние минуты борьбы, рукоплескала и тогда, когда ретиарий, опираясь на локоть левой руки, приподнялся и обратил к зрителям свое лицо, покрытое мертвенной бледностью. Он приготовился бесстрашно и достойно встретить смерть и обратился к зрителям, прося даровать ему жизнь, не потому, что надеялся спасти ее, а только следуя обычаю.

Мирмиллон поставил ногу на тело противника и приложил меч к его груди; подняв голову, он обводил глазами амфитеатр, чтобы узнать волю зрителей.

Свыше девяноста тысяч мужчин, женщин и детей опустили большой палец правой руки книзу: это был знак смерти, и меньше пятнадцати тысяч добросердечных людей подняли руку, сжав ее в кулак и подогнув большой палец, – в знак того, что побежденному гладиатору даруется жизнь.

Среди девяноста тысяч человек, обречших ретиария на смерть, были и непорочные, милосердные весталки, желавшие доставить себе невинное удовольствие – зрелище смерти несчастного гладиатора.

Мирмиллон уже приготовился прикончить ретиария, как вдруг тот, схватив меч противника, с силой вонзил его себе в сердце по самую рукоятку. Мирмиллон быстро вытащил меч, покрытый дымящейся кровью. Тело ретиария выгнулось в жестокой агонии, он крикнул страшным голосом, в котором уже не было ничего человеческого:

– Проклятые! – И мертвым упал навзничь.

Глава II

Спартак на арене

Зрители неистово аплодировали. Все принялись обсуждать происшедшее, цирк гудел сотней тысяч голосов.

Мирмиллон вернулся в камеру, откуда вышли Плутон, Меркурий и служители цирка. Они крюками вытащили с арены труп ретиария через Ворота смерти, прикоснувшись предварительно раскаленным железом к телу умершего, чтобы удостовериться в его смерти. Затем принесли несколько небольших мешков, наполненных блестящим порошком толченого мрамора, доставленного из соседних Тиволийских карьеров, засыпали то место, где оставалась большая лужа крови, и арена снова засверкала, как серебро, под яркими лучами солнца.

Толпа рукоплескала и выкрикивала:

– Да здравствует Сулла!

Сулла повернулся к своему соседу, Гнею Корнелию Долабелле, бывшему два года назад консулом, и сказал:

– Клянусь Аполлоном Дельфийским, моим покровителем, вот подлая чернь! Ты думаешь, она рукоплещет мне?.. Нет, моим поварам, приготовившим для них вчера вкусное и обильное угощение.

– Почему ты не занял место на оппидуме? – спросил Гней Долабелла.

– Не думаешь ли ты, что от этого возрастет моя слава? – ответил Сулла и тут же добавил: – А ведь товар, проданный мне ланистой Акцианом, недурен, а?

– О, как ты щедр, как ты велик! – воскликнул сидевший рядом с Суллой сенатор Тит Аквиций.

– Да поразит Юпитер-громовержец всех подлых льстецов! – вскричал бывший диктатор и, в ярости схватившись рукой за плечо, стал усиленно чесать его, пытаясь заглушить мучительный зуд, похожий на укусы отвратительных паразитов.

Через минуту он добавил:

– Я отказался от власти, ушел от дел, а вы все еще видите во мне своего господина! Презренные, вы можете жить только рабами!

– Не все, о Сулла, рождены для рабства, – смело возразил патриций из свиты Суллы, сидевший неподалеку от него.

Этот бесстрашный человек был Луций Сергей Катилина⁵⁴. В ту пору ему шел двадцать седьмой год. Природа наделила его высоким ростом, могучей грудью, широкими плечами, крепкими мышцами рук и ног. У него была большая голова с целым лесом черных выющихся волос, смуглое мужественное лицо с энергичными чертами. Толстая набухшая вена, пересекая большой лоб, спускалась к самой переносице; темно-серые глаза хранили выражение жестокости, а нервные подергивания, пробежавшие по этому властному, решительному лицу, раскрывали внимательному наблюдателю малейшие движения души Катилины.

К тому времени, о котором повествуется в этой книге, Луций Сергей Катилина снискал среди своих соотечественников славу страшного человека. Все боялись его вспыльчивого, необузданного нрава. Он убил патриция Гратициана, когда тот спокойно гулял по берегу Тибра, – убил только потому, что Гратициан отказался дать под залог имущества Катилины

⁵⁴ *Луций Сергей Катилина* (108—62 до н. э.) – организатор заговора против консулов и сената (66—62 до н. э.). Рассчитывая захватить власть с помощью народных масс, Катилина обещал добиться ликвидации долгов и наделения крестьян конфискованными у богатей землями. Это привело в движение широкие демократические массы. В 63 г. до н. э. заговор был раскрыт Цицероном. Катилина был убит.

крупную сумму денег, нужную последнему для уплаты огромных долгов. Из-за этих долгов Катилина не мог получить ни одной из государственных должностей, на которые притязал.

То было время проскрипций⁵⁵, когда ненасытная жестокость Суллы утопила Рим в крови. Имени Гратидиана не значилось в проскрипционных списках; более того: он даже считался сторонником Суллы, но он был очень богат, а имущество людей, занесенных в проскрипционные списки, подлежало конфискации. И когда Катилина притащил в курию⁵⁶, где заседал сенат, труп Гратидиана и, бросив его к ногам диктатора, заявил, что он убил этого человека как врага Суллы и врага родины, диктатор оказался не очень щепетильным: он посмотрел сквозь пальцы на убийство, обратив все свое внимание на несметные богатства убитого.

Вскоре после этого Катилина поссорился со своим братом. Оба обнажили мечи, но Сергий Катилина, отличавшийся необычайной силой, был также и первым фехтовальщиком в Риме. Он убил брата, наследовал его имущество и тем спасся от разорения, к которому его привели расточительность и непрерывные кутежи. Сулла и на сей раз постарался ничего не заметить; квесторы⁵⁷ тоже не стали придирааться к братоубийце.

В ответ на смелые слова Катилины Луций Корнелий Сулла спокойно повернул голову в его сторону и сказал:

– А как ты думаешь, Катилина, сколько в Риме граждан столь же смелых, как ты, и обладающих такой же, как ты, широтой души и в добродетели и пороках?

– Не могу я, о прославленный Сулла, – ответил Катилина, – глядеть на людей и взвешивать события с высоты твоего величия. Знаю только, что я от рождения люблю свободу и не выношу никаких уз. И прямо скажу – ненавижу тиранию, хотя бы она скрывалась под маской великодушия, хотя бы ею пользовались лицемерно, якобы для блага родины. А ведь родина наша, даже раздираемая мятежами и междоусобными войнами, жила бы лучше под властью многих, чем под деспотической властью одного! И, не входя в разбор твоих действий, скажу тебе откровенно, что я, как и прежде, порицаю твою диктатуру. Я верю, я хочу верить, что в Риме есть еще немало граждан, готовых претерпеть любые муки, лишь бы снова не подпасть под тиранию одного человека, особенно если он не будет называться Луцием Корнелием Суллой и чело его не будет увенчано, как твое, лаврами победы в сотнях сражений и если его диктатура хотя бы отчасти не будет оправдана, как была оправдана твоя диктатура, преступными деяниями Мария, Карбона⁵⁸ и Цинны⁵⁹.

– Так почему же, – спокойно спросил Сулла с еле заметной насмешливой улыбкой, – почему же вы не призываете меня на суд перед свободным народом? Я отказался от диктатуры. Почему же мне не было предъявлено никаких обвинений? Почему вы не потребовали отчета в моих действиях?

– Дабы не видеть снова убийств и траура, которые в течение десяти лет омрачали Рим... Но не будем говорить об этом, в мои намерения не входит обвинять тебя: ты, быть может, совершил немало ошибок, зато ты совершил и много славных подвигов, воспоминания о них не перестают волновать мою душу, ибо как и ты, Сулла, я жажду славы и могущества. А скажи все же, не кажется ли тебе, что в жилах римского народа еще течет кровь наших великих и свободных предков? Вспомни, как несколько месяцев назад ты в курии, при всем сенате, доб-

⁵⁵ *Прокрипция* – объявление вне закона. В период диктатуры Суллы в специальные проскрипционные списки заносились противники оптиматов, приговоренные к казни и конфискации имущества.

⁵⁶ *Курия* – здесь: здание, в котором собирался сенат.

⁵⁷ *Квестор* – римский сановник, первоначально – судебный следователь по уголовным делам; впоследствии ведал финансами государства.

⁵⁸ *Гней Карбон* – приверженец Мария, консул в 85–84 гг. до н. э. По его предложению все приверженцы Суллы были осуждены на изгнание. Казнен в 83 г. до н. э. по приказу Помпея.

⁵⁹ *Луций Корнелий Цинна* – в 87 г. до н. э. получил консульство как приверженец народной партии. Вместе с Марием был консулом в 86 г. до н. э. и вел борьбу с Суллой.

ровольно сложил с себя власть и, отпустив ликторов и воинов, направился с друзьями домой и как вдруг какой-то неизвестный юноша стал бесчестить и поносить тебя за то, что ты отнял у Рима свободу, истребил и ограбил его граждан и стал их тираном! О Сулла, согласишься, что нужно обладать непреклонным мужеством, чтобы произнести все то, что сказал он: ведь тебе достаточно было только подать знак – и смельчак тотчас поплатился бы жизнью! Ты поступил великодушно – я говорю это не из лести: Катилина не умеет и не желает лстить никому, даже всемогущему Юпитеру! – ты поступил великодушно, не наказав его. Но ты согласен со мной: если у нас существуют безвестные юноши, способные на такой поступок – я так жалею, что не узнал, кто он, – то есть надежда, что отечество и республика еще могут быть спасены!

– Да, это был, конечно, отважный поступок, а я всегда восхищался мужеством и любил храбрецов. Я не захотел мстить смельчаку за обиду и стерпел все его оскорбления и поношения. Но знаешь ли ты, Катилина, какие последствия будут иметь поступок и слова этого юноши?

– Какие? – спросил Сергей Катилина, устремив испытующий взор в затуманенные глаза диктатора.

– Отныне, – ответил Сулла, – никто из тех, кому удастся захватить власть в республике, не пожелает от нее отказаться.

Катилина в раздумье опустил голову, затем, овладев собой, поднял ее и сказал:

– Найдется ли еще кто-нибудь, кто сумеет и захочет захватить высшую власть?

– Ну... – произнес, иронически улыбаясь, Сулла. – Видишь толпы рабов? – И он указал на ряды амфитеатра, переполненные народом. – В рабах нет недостатка... Найдутся и диктаторы.

Весь этот разговор происходил под аккомпанемент бурных рукоплесканий толпы, увлеченной кровопролитным сражением, происходившим на арене между лаквеаторами и секуторами; вскоре оно завершилось смертью семи лаквеаторов и пяти секуторов. Оставшиеся в живых гладиаторы, раненные и истекающие кровью, удалились в камеры, а зрители бешено аплодировали, смеялись и весело шутили.

В то время когда лорарии вытаскивали из цирка двенадцать трупов и уничтожали следы крови на арене, Валерия, внимательно наблюдавшая за Суллой, который сидел неподалеку от нее, вдруг поднялась и, подойдя к диктатору сзади, выдернула шерстяную нитку из его хламиды. Удивленный, он обернулся и, сверкнув своими звериными глазами, принялся рассматривать ту, которая прикоснулась к нему.

– Не гневайся, диктатор! Я выдернула эту нитку, чтобы иметь долю в твоём счастье, – произнесла Валерия с чарующей улыбкой.

Почтительно приветствуя его, она, по обычаю, поднесла свою руку к губам и направилась к своему месту. Сулла, польщенный ее любезными словами, учтиво поклонился и, повернув голову, проводил красавицу долгим взглядом, которому постарался придать ласковое выражение.

– Кто это? – спросил Сулла, опять повернувшись в сторону арены.

– Это Валерия, – ответил Гней Корнелий Долабелла, – дочь Мессалы.

– А-а!.. – заметил Сулла. – Сестра Квинта Гортензия?

– Именно.

И Сулла вновь повернулся к Валерии, которая смотрела на него ласковыми глазами.

Гортензий встал со своего места и пересел поближе к Марку Крассу⁶⁰, очень богатому патрицию, известному своей скупостью и честолюбием – двумя противоречивыми страстями, прекрасно уживавшимися, однако, в этой своеобразной натуре.

⁶⁰ *Марк Красс* (114—53 до н. э.) – сторонник Суллы, обогатившийся во время проскрипций в 82 г. до н. э. Владел серебряными рудниками, землями и большим количеством рабов. Возглавлял римское войско, посланное на подавление восстания Спартак. В конце 60 г. до н. э. Цезарь, Помпей и Красс составили триумвират. В 55 г. до н. э. Красс снова был избран консулом вместе с Помпеем. Погиб во время войны с парфянами.

Марк Красс сидел рядом с девушкой необыкновенной красоты. Так как ей предстоит играть большую роль в нашем повествовании, задержимся на мгновение и поглядим на нее.

Звалась эта девушка Эвтибидой; по покрою одежды в ней можно было признать гречанку; сразу бросалась в глаза красота ее высокой и стройной фигуры. Талия была так тонка, что, казалось, ее можно было охватить двумя пальцами. Прелестное лицо поражало алебастровой белизной, оттененной нежным румянцем. Изящной формы лоб обрамляли кольца рыжих пушистых волос. Большие миндалевидные глаза цвета морской волны горели страстным огнем и непреодолимо влекли к себе. Чуть вздернутый, красиво очерченный носик как будто подчеркивал выражение дерзкой смелости, запечатлевшейся в ее чертах. Меж полуоткрытых, слегка влажных алых губ сверкали белоснежные зубы – настоящие жемчужины, соперничавшие прелестью с очаровательной ямочкой на маленьком округлом подбородке. Белая шея казалась изваянной из мрамора, плечи были достойны Юноны. Кисти обнаженных точеных рук и ступни ног были крошечные, как у ребенка.

Поверх короткой туники из тончайшей белой ткани, густо затканной серебряными звездочками и уложенной изящными складками, под которыми угадывались скульптурные формы девушки, был накинута паллий из голубой шерсти, тоже весь в звездочках. Волосы над лбом скрепляла небольшая диадема. В маленькие уши были вдеты две крупные жемчужины со сверкающими подвесками из сапфиров в форме звездочек. Шею обвивало жемчужное ожерелье, с которого на полуобнаженную грудь спускалась большая сапфировая звезда. Руки украшали четыре серебряных браслета с вырезанными на них цветами и листьями. Талию охватывал обруч с острым, угловатым концом, тоже из драгоценного металла. На маленьких розовых ножках были короткие котурны, состоявшие из подошвы и двух полосок голубой кожи, пересекавшихся у щиколоток; выше щиколоток ноги были схвачены двумя серебряными ножными браслетами тончайшей чеканной работы.

Девушке этой было не более двадцати четырех лет. Она была хороша собой и изысканно одета. Казалось, сама Венера Пафосская сошла с Олимпа, чтобы смертные могли насладиться лицезрением ее чудесной красоты.

Такова была юная Эвтибида, неподалеку от которой сел Марк Красс, с восторгом любовавшийся ею.

Когда к нему подошел Гортензий, Красс всей душой предавался созерцанию очаровательной девушки. Красавица же, явно скучая, в эту минуту зевала, открыв маленький ротик; правой рукой она играла сапфировой звездой, искрившейся на ее груди.

Крассу исполнилось тридцать два года; он был выше среднего роста и крепкого сложения, но склонен к тучности. На могучей шее сидела довольно крупная голова, гармонизировавшая с мощным телом, но лицо, бронзово-золотистого оттенка, было худым; черты лица мужественные, чисто римского склада – орлиный нос, выдающийся, резко очерченный подбородок; глаза серые, с желтизной, – они то блестели необычайно ярко, то были неподвижны, бесцветны, как будто угасали. Родовитость, необычайное красноречие, огромное богатство, приветливость и учтивость завоевали ему не только известность, но и славу и влияние. К тому времени, с которого начинается наше повествование, он уже не раз доблестно сражался в гражданской войне на стороне Суллы и занимал различные административные посты.

– Здравствуй, Марк Красс, – сказал Гортензий, выводя его из состояния оцепенения. – Ты, видимо, погружен в созерцание звезд?

– Ты угадал, клянусь Геркулесом! – ответил Красс. – Эта...

– «Эта»? Которая?

– Вон та красавица гречанка, которая сидит двумя рядами выше нас...

– А! Я тоже заметил ее. Это Эвтибида.

– Эвтибида? Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Я назвал тебе ее имя... Она действительно гречанка... – сказал Гортензий, усаживаясь рядом с Крассом.

– Настоящая богиня! Сама Венера!.. Клянусь Геркулесом, я не могу представить более совершенного воплощения красоты прославленной дочери Юпитера.

– Ты прав, – улыбаясь, сказал Гортензий. – Но разве жена Вулкана так уж недоступна? Разве не дарит она щедро свои милости и сокровища своей красоты богам, полубогам, а временами даже и простым смертным, если кому-нибудь выпало счастье понравиться ей?

– А где она живет?

– На Священной улице... около храма Верхнего Януса.

Глаза Красса вспыхнули фосфорическим огнем, каким они иногда загорались, но тут же огонь погас, и, обернувшись к Гортензию, Красс спросил:

– Тебе надо поговорить со мной?

– Да, о тяжбе с банкиром Трабулоном.

– Я слушаю тебя.

Пока они беседовали об упомянутой Гортенziem тяжбе и пока Сулла, несколько месяцев назад похоронивший свою четвертую жену, Цецилию Метеллу, а теперь вновь попавший в сети Амура, затевал на пятьдесят девятом году жизни поздний роман с прекрасной Валерией, послышался звук трубы. Это был сигнал к началу боя между тридцатью фракийцами и тридцатью самнитами, уже построенными в ряды друг против друга.

Разговоры, шум, смех прекратились; все взоры были устремлены на сражающихся. Первое столкновение было ужасно: среди глубокой тишины, царившей в цирке, резко прозвучали удары мечей по щитам, по арене полетели перья, осколки шлемов, куски разбитых щитов, а возбужденные, тяжело дышавшие гладиаторы наносили друг другу удар за ударом. Не прошло и пяти минут после начала боя, а на арене уже лилась кровь: трое гладиаторов корчились на земле в агонии, а сражающиеся топтали их ногами.

Невозможно ни описать, ни вообразить себе напряжение, с которым зрители следили за кровавыми перипетиями этого боя. О нем можно составить себе лишь слабое представление, судя по тому, что восемьдесят тысяч человек из числа собравшихся в цирке бились об заклад на сумму от десяти до двадцати сестерциев и даже до пятидесяти талантов⁶¹, смотря по своему состоянию; одни держали пари за пурпурно-красных фракийцев, другие – за голубых самнитов.

По мере того как ряды гладиаторов редели, все чаще и чаще раздавались рукоплескания и громкие поощрительные возгласы.

По прошествии одного часа сражение уже подходило к концу. По всей арене то тут, то там лежали пятьдесят гладиаторов, убитые или смертельно раненные; умирающие корчились в судорогах агонии и испускали душераздирающие крики.

Зрители, державшие пари за самнитов, казалось, могли быть вполне уверены в их победе. Семеро самнитов окружили и теснили трех оставшихся в живых фракийцев, последние же, тесно став спиной друг к другу, образовали треугольник и оказывали яростное сопротивление превосходящим силам самнитов.

Среди трех еще живых фракийцев был Спартак. Его атлетическая фигура, поразительная сила крепких мышц, совершенная гармония всех линий тела, несокрушимая, непреодолимая храбрость, несомненно, должны были способствовать выдвижению этого человека, особенно в ту эпоху, когда физическая сила и твердость характера являлись главным условием успеха в жизни.

Спартаку исполнилось тридцать лет, и все те выдающиеся качества, о которых мы говорили, сочетались в нем с образованностью, редкой для его общественного положения, с возвы-

⁶¹ *Талант* – самая крупная в древности денежная единица.

шенным образом мыслей, благородством и величием души, доказательства которых он давал не раз.

Длинные белокурые волосы и густая борода обрамляли его красивое, мужественное лицо с правильными чертами, озаренное светом голубых глаз, полных жизни, чувства, огня; они придавали его лицу, когда он был спокоен, выражение какой-то печальной доброты. Но в бою Спартак совершенно преобразился: на арене цирка сражался гладиатор с искаженным от гнева лицом, глаза его метали молнии, вид был ужасен.

Спартак родился во Фракии, в Родопских горах. Он сражался против римлян, вторгшихся в его страну, попал в плен и за свою силу и храбрость был зачислен в римский легион, где проявил необычайную доблесть. Затем он так отличился в войне против Митридата и его союзников, что был назначен деканом – начальником отряда из десяти человек – и заслужил почетную награду – гражданский венок⁶². Но когда римляне снова начали войну против фракийцев, Спартак бежал из легиона и стал сражаться в рядах соотечественников против римлян. Раненный, он снова попал в плен к своим врагам. Вместо смертной казни, предписанной законом для дезертиров, он должен был стать гладиатором и был продан одному ланисте, впоследствии перепродавшему его Акциану.

Прошло не более двух лет с тех пор, как Спартак попал в ряды гладиаторов. Со своим первым ланистой он объездил почти все города Италии, участвовал более чем в ста боях и ни разу не был серьезно ранен. Другие гладиаторы тоже были мужественны и сильны, но Спартак настолько превосходил их силой и храбростью, что постоянно оставался победителем и заслужил себе великую славу во всех амфитеатрах и цирках Италии.

Акциан купил фракийца за очень большие деньги – двенадцать тысяч сестерциев. Спартак принадлежал ему уже шесть месяцев, но Акциан ни разу не выпускал его в римских амфитеатрах – то ли потому, что высоко ценил Спартака как преподавателя фехтования, борьбы и гимнастики в своей школе гладиаторов, то ли потому, что слишком дорого заплатил за него, чтобы рисковать его жизнью. В случае смерти Спартака плата за него не возместила бы понесенных ланистой убытков.

Но сегодня Акциан впервые выпустил Спартака на арену цирка, потому что Сулла заплатил за сто гладиаторов, отобранных для боя в этот день, огромную сумму – двести двадцать тысяч сестерциев – и такая щедрая плата покрывала убыток, который ланиста мог понести в случае смерти Спартака. И все же, несмотря на то что гладиаторы, оставшиеся в живых после состязаний, поступали в собственность ланисты, исключая тех, кому народ даровал свободу, Акциан, взволнованный и бледный, опершись на одну из дверей камеры, следил за последними моментами борьбы; для того, кто захотел бы понаблюдать за ним, конечно, не могло пройти незамеченным его беспокойство за Спартака. Он напряженно следил за каждым движением, за каждым ударом, нанесенным или отбитым фракийцем.

– Смелее, смелее, самниты! – кричали тысячи зрителей, державших за них пари.

– Бейте их! Рубите этих трех варваров!

– Задай им, Небулиан! Прикончи их, Крикс! Подминай, подминай, Порфирий! – кричали зрители, в руках у которых были таблички с именами гладиаторов.

В ответ на эти выкрики гремел не менее мощный хор сторонников фракийцев. У них, правда, было мало шансов на выигрыш, но они не теряли надежды. Спартак, еще не раненный, с неповрежденным щитом и шлемом, как раз в этот момент пронзил мечом одного из окружающих его самнитов. При этом взмахе меча раздался гром рукоплесканий и возгласы тысячи зрителей:

– Смелее, Спартак! Браво, Спартак! Да здравствует Спартак!

⁶² Гражданский венок состоял из дубовых листьев и давался римскому солдату, спасшему в бою жизнь своему товарищу.

Двое других фракийцев, которые сражались бок о бок с бывшим римским солдатом, были оба тяжело ранены; они вяло наносили и вяло отражали удары, – силы их иссякали.

– Защищайте мне спину! – крикнул Спартак; размахивая с быстротою молнии своим коротким мечом, он вынужден был одновременно отражать удары мечей всех самнитов, дружно нападавших на него. – Защищайте мне спину!.. Еще минута... и мы победим!

Голос его прерывался, грудь порывисто вздымалась, по бледному лицу катились крупные капли пота. Глаза его сверкали; в них горели жажда победы, гнев, отчаяние...

Вскоре недалеко от Спартака, заливая арену своею кровью, упал другой самнит, раненый в живот; он хрипел в агонии и слал проклятия зрителям. Вслед за ним свалился с разбитым черепом один из фракийцев, стоявших за спиной Спартака.

Весь цирк гудел от рукоплесканий, криков и возгласов: взоры всех зрителей были прикованы к сражающимся, ловили малейшее движение их, малейший жест. Луций Сергей Катилина, вскочив, стоял рядом с Суллой; он едва дышал, не видел ничего, кроме этой кровавой бойни, и не отрываясь смотрел на меч Спартака, так как держал пари за фракийцев; казалось, нить его собственной жизни была связана с этим мечом.

Третий самнит, пораженный Спартаком в сонную артерию, последовал за своими товарищами, лежавшими на арене; в это же мгновение и фракиец – последняя и единственная поддержка Спартака, – пронзенный тремя мечами, упал мертвым, даже не вскрикнув.

По цирку пронесся гул огромной толпы, похожий на рев зверя, а потом наступила такая тишина, что можно было ясно слышать тяжелое, прерывистое дыхание гладиаторов. Нервное напряжение зрителей было так велико, что вряд ли оно могло быть сильнее, если бы даже от исхода этой схватки зависела судьба Рима.

Борьба уже длилась более часа. Спартак благодаря своей непостижимой ловкости и удивительному искусству фехтования получил только три легкие раны, вернее – царапины, но теперь он оказался один против четверых сильных противников. Хотя все четверо были ранены более или менее тяжело и истекали кровью, все же они еще оставались грозными врагами, так как их было четверо.

Как ни был силен и отважен Спартак, однако после гибели своего последнего товарища он понял, что настал его смертный час.

Вдруг глаза фракийца загорелись; ему пришла в голову спасительная мысль: он решил воспользоваться старинной тактикой Горациев против Куриациев⁶³ – он бросился бежать. Самниты пустились за ним следом.

Толпа загудела, словно пчелиный рой.

Не пробежав и пятидесяти шагов, Спартак вдруг сделал неожиданный поворот, обрушился на ближайшего преследователя и вонзил ему в грудь кривой меч. Самнит закачался, взмахнул руками, как будто ища опоры, и упал, а в это время Спартак, набросившись на второго врага и отражая щитом удары его меча, уложил его на месте под восторженные крики зрителей, ибо теперь уже почти все были на стороне фракийца.

Как только второй самнит упал, подоспел его товарищ – третий самнит, весь покрытый ранами. Спартак ударил его щитом по голове, не считая нужным пускать в ход меч и, видимо, не желая убивать его. Оглушенный ударом, самнит перевернулся и рухнул на арену. Тотчас же на помощь ему поспешил последний из самнитов, совсем уже выбившийся из сил. Спартак напал на него и, стараясь не наносить ран, обезоружил противника, выбив из его рук меч, потом обхватил его своими мощными руками, повалил на землю и прошептал ему на ухо:

– Не бойся, Крикс, я надеюсь спасти тебя...

⁶³ Согласно преданию, поединок трех братьев Горациев, римлян, с тремя братьями Куриациями, выставленными городом Альба-Лонга, должен был решить исход вооруженной борьбы двух городов. Два брата Горация были убиты, но третьему удалось одержать победу над Куриациями при помощи маневра, который в данном случае применил Спартак.

Он стал одной ногой на грудь Крикса, а другой – на грудь самнита, которого оглушил ударом щита; в этой позе он ждал решения народа.

Единодушные долгие и громовые рукоплескания, словно гул от подземного толчка, прокатились по всему цирку! Почти все зрители подняли вверх кулак, подогнув большой палец – обоим самнитам была дарована жизнь.

– Какой храбрый человек! – сказал, обращаясь к Сулле, Катилина, по лбу которого градом катился пот. – Такому сильному человеку надо было родиться римлянином!

Между тем слышались сотни возгласов:

– Свободу храброму Спартаку!

Глаза гладиатора засверкали необычным блеском; он побледнел как полотно и приложил руку к сердцу, как бы желая унять его бешеные удары, вызванные этими словами, этой надеждой.

– Свободу, свободу! – повторяли тысячи голосов.

– Свобода! – прошептал еле слышно гладиатор. – Свобода!.. О боги Олимпа, не допустите, чтобы это оказалось сном! – И ресницы его увлажнились слезами.

– Нет, нет! Он бежал из наших легионов, – раздался громкий голос, – нельзя давать свободу дезертиру!

И тогда многие из зрителей, проигравшие пари из-за отваги Спартака, закричали с ненавистью:

– Нет, нет! Он дезертир!

По лицу фракийца пробежала судорога. Он резко повернул голову в ту сторону, откуда раздался обвинительный возглас, и стал искать глазами, в которых сверкала ненависть, того, кто бросил это обвинение.

Но тысячи и тысячи голосов кричали:

– Свободу, свободу, свободу Спартаку!..

Невозможно описать чувства гладиатора в те минуты, когда решался вопрос всей его жизни. Тревога, мучительное ожидание отразились на его бледном лице; сверкающие лихорадочным огнем глаза красноречиво говорили о происходившей в нем смене отчаяния и надежды.

Этот человек, полтора часа боровшийся со смертью и ни на одну секунду не терявший присутствия духа, человек, который сражался один против четверых, гладиатор, убивший двенадцать или четырнадцать своих товарищей по несчастью, не обнаруживая при этом своего волнения, вдруг почувствовал, что у него подкосились ноги, и, чтобы не упасть без чувств на арену цирка, он оперся о плечо одного из лорариев, явившихся убирать трупы.

– Свободу, свободу! – продолжала неистовствовать толпа.

– Он ее достоин! – сказал на ухо Сулле Катилина.

– И он удостоится ее! – воскликнула Валерия, которой в эту минуту восхищенно любовался Сулла.

– Вы этого хотите? – произнес Сулла, вопросительно глядя в глаза Валерии, светившиеся любовью, нежностью, состраданием; казалось, она умоляла о милости к гладиатору. – Хорошо. Да будет так!

Сулла наклонил голову в знак согласия, и Спартак получил свободу под шумные рукоплескания зрителей.

– Ты свободен! – сказал лорарий Спартаку. – Сулла даровал тебе свободу.

Спартак не отвечал, не двигался и боялся открыть глаза, чтобы не улетела мечта, страшился обмана и не решался поверить своему счастью.

– Злодей, ты разорил меня своей храбростью! – прошептал кто-то над его ухом.

От этих слов Спартак очнулся, открыл глаза и посмотрел на ланисту Акциана – хозяин Спартака явился на арену вместе с лорариями поздравить гладиатора, надеясь, что тот оста-

нется его собственностью. Теперь же Акциан проклинал храбрость фракийца: глупейшее милосердие народа и разбойничье великодушие Суллы лишили его двенадцати тысяч сестерциев.

Слова ланисты убедили фракийца в том, что это не сон. Он встал, величественно выпрямился во весь свой гигантский рост, поклонился сначала Сулле, потом народу и через двери, ведущие в камеры, ушел с арены под новый взрыв рукоплесканий.

– Нет, нет, не боги создали все окружающее, – как раз в эту минуту сказал Тит Лукреций Кар, возобновляя беседу, которую он вел с юным Кассием и молодым Гаем Меммием Гемеллом⁶⁴, своим близким другом, сидевшим во время зрелища рядом с ним.

Гай Меммий Гемелл страстно любил литературу, искусство и увлекался философией. Впоследствии Лукреций посвятил ему свою поэму «*De rerum natura*» («О природе вещей»), над которой он размышлял уже в это время.

– Но кто же тогда создал мир? – спросил Кассий.

– Вечное движение материи и соединение невидимых молекулярных тел. Ты ведь видишь на земле и на небе массу возникающих тел и, не понимая скрытых производящих начал, считаешь, что все они созданы богами. Никогда ничто не могло и не может возникнуть из ничего.

– Что же такое тогда Юпитер, Юнона, Сатурн? – спросил пораженный Кассий, которому очень нравилось слушать рассуждения Лукреция.

– Да это все порождение людского невежества и страха. Я познакомлю тебя, милый мой мальчик, с единственно верным учением – с учением великого Эпикура, который не страшился ни грома небесного, ни землетрясений, наводящих на людей ужас, ни могущества богов, ни воображаемых молний Юпитера. Борясь с закоренелыми предрассудками, он, полный нечеловеческой отваги, осмелился проникнуть в самые сокровенные тайны природы и в ней открыл происхождение и природу вещей.

В эту минуту воспитатель Кассия напомнил ему о приказании отца вернуться домой засветло и стал торопить его. Мальчик послушно встал; за ним поднялись Лукреций и Меммий, и все они стали спускаться по ступенькам к ближайшему запасному выходу. Однако, чтобы попасть туда, Кассий и его друзья должны были пройти мимо того места, где сидел Фавст, сын Суллы; около него стоял, ласково разговаривая с ним, Помпей Великий, который, оставив оппидум, пришел сюда приветствовать знакомых матрон и друзей. Кассий пробежал было мимо него, но вдруг, круто остановившись, сказал, обращаясь к Фавсту:

– А ну-ка, Фавст, повтори при таком знаменитом гражданине, как Помпей Великий, безумные свои слова, которые ты произнес третьего дня в школе. Ты ведь говорил, что твой отец очень хорошо поступил, отняв свободу у римлян и сделавшись тираном нашей родины. Мне бы хотелось услышать от тебя еще раз эти слова. За них я расшиб тебе кулаком лицо, и синяки еще не прошли до сих пор. Теперь я при самом Великом Помпее вздую тебя еще раз, да покрепче!

Кассий напрасно ждал от противника ответа: Фавст склонил голову перед удивительным мужеством мальчика, который не побоялся поколотить и обругать сына властителя Рима, побуждаемый пламенной любовью к свободе, горевшей в его доблестном сердце. И Кассий, почтительно поклонившись Помпею, а также Меммию и Лукрецию, удалился из цирка со своим воспитателем.

Как раз в это время из рядов, расположенных над Воротами смерти, выходил юноша лет двадцати шести, одетый в очень длинную, длиннее обычного, тогу, которая закрывала его худые и тонкие ноги. Он был высок ростом и обладал величественной, внушительной внешностью, хотя лицо у него было болезненное и нежное. Встав со скамьи, он простился со своей

⁶⁴ Гай Меммий Гемелл – народный трибун в 66 г. до н. э. При выборах консулов в 53 г. до н. э. был осужден за подкуп избирателей и уехал в Грецию; был человек образованный и одаренный оратор.

соседкой, молодой женщиной, окруженной поклонниками – юными патрициями и изысканно одетыми щеголями.

– Прощай, Валерия, – сказал юноша, целуя руку красавицы.

– Прощай, Марк Туллий, – ответила она. – Не забудь: послезавтра в театре Аполлона дают «Электру» Софокла, и я там участвую. Приходи.

– Приду обязательно.

– Будь здоров! Прощай, Туллий! – послышалось одновременно несколько голосов.

– Прощай, Цицерон, – сказал, пожимая ему руку, красивый и осанистый человек лет пятидесяти пяти, нарумяненный и надушенный.

– Да покровительствует тебе Талия, искуснейший Эзоп, – ответил юноша, пожимая руку великому актеру.

Подойдя к очень красивому человеку лет сорока, сидевшему рядом с Галерией, он также пожал ему руку, промолвив при этом:

– Да реют над тобой все девять муз, непревзойденный Квинт Росций, любимейший из друзей моих.

Цицерон медленно отошел и с изысканной учтивостью стал пробираться сквозь толпу, заполнившую все проходы, направляясь к тому месту около Триумфальных ворот, где, как он заметил, сидели два племянника Марка Порция Катона Цензора.

Группа зрителей, с которыми простился Марк Туллий Цицерон, состояла из служителей искусства: Галерии Эмболарии, красивой двадцатитрехлетней женщины и самой выдающейся актрисы того времени, выступавшей преимущественно в трагических ролях; известного трагического актера Эзопа, несмотря на свои пятьдесят пять лет, всегда надушенного, нарумяненного и нарядного, и его соперника – Квинта Росция, великого актера, заставлявшего своей игрой плакать, смеяться и сострадать ему весь римский народ; он сидел рядом с Эмболарией. Это к нему относился прощальный привет Цицерона, исполненный горячей дружбы.

Росцию недавно исполнилось сорок лет. Его дарование достигло полного расцвета, он был очень богат. Его боготворил весь Рим, самые именитые граждане гордились дружбой с ним; Сулла, Гортензий, Цицерон, Помпей, Лукулл, Квинт Метелл, Цецилий Пий, Сервилий Ватий Исаврийский, Марк Красс, Корнелий Скрибониан, Курион, Публий Корнелий Сципион Азиатский наперебой приглашали его, ласкали и превозносили не только как искуснейшего актера, но и как человека доблестного и одаренного; это искреннее и восторженное преклонение было особенно ценно, потому что исходило от великих людей, возвышавшихся умственно и духовно над обыденным уровнем.

Возле трех знаменитых актеров группировались звезды меньшей величины из артистической плеяды, пленявшей в те годы римскую публику, которая толпами шла в театры смотреть трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида⁶⁵ и Пакувия⁶⁶, комедии Аристофана⁶⁷, Менандра⁶⁸, Филемона⁶⁹ и Плавта⁷⁰.

Вокруг Эмболарии, Эзопа, Росция и их сотоварищей теснились назойливые поклонники, тупые бездельники, одержимые манией величия, глупейшим тщеславием и жадой сильных впечатлений и ощущений.

⁶⁵ Эсхил (525—456 до н. э.), Софокл (ок. 496—406 до н. э.), Еврипид (480—406 до н. э.) – великие греческие драматурги.

⁶⁶ Пакувий (ок. 220—132 до н. э.) – римский сатирик, драматург и живописец.

⁶⁷ Аристофан (ок. 446—388 до н. э.) – величайший греческий комедиограф.

⁶⁸ Менандр (ок. 343—293 до н. э.) – крупнейший представитель новоаттической (александрийской) комедии.

⁶⁹ Филемон – современник Менандра, представитель новоаттической комедии.

⁷⁰ Плавт (ок. 254—184 до н. э.) – римский комедиограф.

Марк Туллий Цицерон, пройдя ряды, отделявшие его от Катона и Цепиона, подошел к ним и после дружеского приветствия сел рядом, вступив в разговор с Катоном, к которому испытывал большое расположение.

Марку Туллию Цицерону, как мы уже говорили, в это время было двадцать шесть лет, он был молод, хорош собой и имел величавый облик, несмотря на свое болезненное, слабое телосложение. У него была длинная шея, мужественное лицо с выразительными, энергичными и правильными чертами, необычайно широкий лоб, сообразно его могучему уму, густые взъерошенные брови, из-под которых сверкали большие глаза. На его совершенной формы губах почти всегда играла улыбка, зачастую ироническая, но даже в самой иронии своей носившая отпечаток добродушия. Одаренный прозорливым умом, блестящей памятью и красноречием, Цицерон благодаря упорному, прилежному труду, которому он отдавался с большой любовью, в двадцать шесть лет прославился одновременно как философ, как оратор и как блестящий, всеми признанный поэт.

Еще в очень молодые годы Цицерон изучал поэтику у греческого поэта Архия, которого он защищал впоследствии в одной из своих знаменитых речей. Архий пользовался громкой известностью благодаря своему поэтическому дарованию и душевным качествам; в ту пору он жил в доме великого Лукулла, победителя Митридата и Тиграна⁷¹, обучая его детей искусству стихосложения; одновременно он открыл в Риме школу, которую посещали молодые люди из патрицианских семей. Ко времени нашего повествования Архий сочинил и опубликовал поэму «О войне кимбров», где превозносил отважного Гая Мария, единственного из всех римлян, который в период республики семь раз избирался консулом.

Доблестные подвиги Гая Мария не только принесли Риму победу над нумидийским царем Югуртой, но спасли также республику от губительного нападения тевтонов и кимбров. За эти подвиги Гай Марий был удостоен наименования третьего основателя Рима.

Еще будучи учеником в школе Архия, пятнадцатилетний Цицерон написал поэму «Главк Понтий»⁷², которая плавностью стиха и красотой стиля заставила заговорить о нем; тогда еще не было Лукреция, Катулла⁷³, Вергилия⁷⁴, Овидия⁷⁵, Горация⁷⁶, обогативших латинский язык своими дивными поэтическими творениями.

Посещение школы Архия не мешало Цицерону усердно слушать лекции сначала философа-эпикурейца Федра⁷⁷, потом стоика Диодота и академика Филона, бежавших из Афин, которыми завладел Митридат. Он слушал замечательные лекции по красноречию, которые читал в Риме в течение двух лет знаменитый Молон Родосский. Красноречие Молона⁷⁸ было столь необыкновенным, что он первым получил разрешение выступать в сенате на греческом языке без посредничества переводчика.

Цицерон с большим усердием изучал законоведение под руководством обоих Сцеволов⁷⁹, сенаторов и ученых юристов: старший был авгуром⁸⁰, младший – верховным жрецом⁸¹. Они обучали юношу самым тонким приемам и тайнам юриспруденции.

⁷¹ *Тигран II Великий* (95—56 до н. э.) – царь Армении, зять и союзник Митридата Понтийского, успешно воевал с Парфией. Был разбит римским полководцем Лукуллом.

⁷² «*Главк Понтий*» – приписываемая Цицерону поэма, не дошедшая до нас. *Главк* – морской бог, покровитель рыбаков и мореплавателей.

⁷³ *Катулл* (ок. 80—54 до н. э.) – римский поэт-лирик.

⁷⁴ *Вергилий* (70—19 до н. э.) – Публий Вергилий Марон, великий римский поэт, автор «Энеиды».

⁷⁵ *Овидий* (43—17 до н. э.) – Публий Овидий Назон, знаменитый римский поэт. Крупнейшее произведение Овидия – «Метаморфозы» («Превращения»).

⁷⁶ *Квинт Гораций Флакк* (65—8 до н. э.) – выдающийся римский поэт.

⁷⁷ *Федр* – философ-эпикуреец, живший в Риме и Афинах, учитель Цицерона.

⁷⁸ *Молон Родосский* – родосский ритор. Цезарь и Цицерон учились у него красноречию.

⁷⁹ Имеются в виду: 1) *Квинт Муций Сцевола* – в 121 г. до н. э. управлял Азией; мужественно выступал против Суллы в сенате. 2) *Муций Сцевола* – верховный жрец; занимал должность наместника Азии. Убит в 82 г. до н. э. Оставил по себе славу

Когда ему было только восемнадцать лет, он участвовал в Марсийской, или Союзнической, войне под началом Помпея Великого, и, как он сам потом рассказывал, его поражали храбрость и постоянные удачи Суллы.

За два года до описываемых событий Марк Туллий впервые появился на Форуме и произнес речь в защиту Квинтия. Некий кредитор, которого защищал знаменитый Гортензий, требовал у Квинтия возврата своего имущества. Цицерон, тогда еще только начинавший свою карьеру, решительно отказывался выступать против грозного Гортензия, но актер Росций, с которым он был очень дружен, просил за своего родственника Квинтия. Цицерон согласился и выступил; он говорил столь убедительно и так обворожил судей, что выиграл тяжбу.

Потом Цицерон выступил с большим подъемом в защиту прав одной гражданки из Арретия против декрета Суллы, по которому жители Арретия были лишены прав гражданства. Цицерон, по характеру скорее робкий и нерешительный, говорил с большим мужеством, и в этом сказались его душевная чистота и честность. Выступление это наделало много шума.

Но речь, явившаяся венцом славы юного Туллия и доставившая ему огромную известность, была произнесена им в защиту Секста Росция Америйского, обвинявшегося отпущенником Суллы Корнелием Хрисогоном в отцеубийстве. Защитительная речь Цицерона была необыкновенно страстной, живой, настойчивой и красноречивой. Росций Америйский был оправдан, а Цицерона объявили достойным соперником Гортензия, — он на этот раз выступал противником Гортензия и одержал над ним победу.

В те дни среди различных слоев населения Рима ходила по рукам поэма Цицерона. Она еще усилила всеобщее восхищение одаренностью ее автора; Цицерону суждено было в дальнейшем вознести латинский язык на недостижимую высоту своими произведениями, и трудно сказать, чем следует в них больше восхищаться: теоретической ли глубиной, чистотой нравственного чувства, величиим мыслей, блеском стиля или же очарованием формы, отличающейся аттическим изяществом.

Поэма, о которой мы упомянули, называлась «Марий»; от нее дошел до нас лишь небольшой фрагмент. Она была написана в честь Гая Мария, родившегося, как и Цицерон, в Арпине и безмерно им почитаемого.

Мы должны просить прощения у наших читателей за частые отступления, но они вызываются как самой темой, так и необходимостью давать наброски портретов выдающихся людей последнего века свободного Рима, отличавшихся либо мужеством и добродетелями, либо мрачными и ужасными пороками, либо чудесными деяниями.

Теперь же восстановим прерванную нить нашего повествования.

— Неужели, о великие боги, то, что рассказывают о тебе, правда? — спросил с удивлением Цицерон юного Катона.

— Да, правда, — отвечал, насупившись, мальчик. — А разве я не был прав?

— Ты был прав, храбрейший из юношей, — тихо ответил Цицерон, целуя Катона в лоб, — но, к сожалению, не всегда возможно громко говорить правду, нередко право должно уступать силе.

И оба на секунду замолчали.

— Но как же случилось, что... — спросил Туллий Сарпедона, наставника обоих юношей.

— Из-за ежедневных убийств, совершавшихся по приказанию Суллы, — прервал его Сарпедон, — я должен был раз в месяц бывать у диктатора с двумя своими воспитанниками, для того чтобы Сулла, при его безумной страсти к истреблению, относился к ним благосклонно,

честного человека, горячего патриота, выдающегося правоведа и оратора.

⁸⁰ *Авгур* — римский жрец, предсказывавший на основании наблюдения за полетом и поведением птиц волю богов и исход того или иного предприятия,

⁸¹ *Верховный жрец* — возглавлял коллегию понтификов, состоявшую из восьми, а потом пятнадцати человек и ведавшую всеми вопросами культа.

считал их в числе своих друзей и чтобы ему в голову не пришла шальная мысль занести их в проскрипционные списки. Сулла действительно всегда принимал их благосклонно и, обласкав обоих мальчиков, отпускал с приветливыми словами. Как-то раз, выйдя от него и пересекая Форум, мы услышали душераздирающие стоны, доносившиеся из-под сводов Мамертинской тюрьмы...

– И я спросил у Сарпедона, – прервал его Катон, – «Кто это кричит?» – «Это граждане, которых убивают по приказу Суллы», – ответил он мне. «За что же их убивают?» – спросил я. «За то, что они любят свободу и преданы ей».

– Тогда этот безумец, – сказал Сарпедон, в свою очередь прерывая Катона, – сказал мне изменившимся голосом и очень громко, так что, к несчастью, слышали все окружающие: «Почему ты не дал мне меч? Ведь я мог несколько минут назад убить этого лютого тирана моей родины!»

Немного помолчав, Сарпедон прибавил:

– Так как слух об этом дошел до тебя...

– Многим известен этот случай, – ответил Цицерон, – и все говорят с восторгом о мужестве мальчика...

– А что, если, на беду его, это дойдет до Суллы? – воскликнул в отчаянии Сарпедон.

– Что мне до того? – презрительно произнес, нахмутив брови, Катон. – Все, что я сказал, я могу повторить в присутствии того, перед кем вы все трепещете. Хотя я еще очень молод, клянусь всеми богами Олимпа, меня он не заставит дрожать!

Цицерон и Сарпедон, пораженные, переглянулись, а мальчик с воодушевлением воскликнул:

– Ах, если бы на мне была уже тога!

– Что же ты тогда сделал бы, безумец? – спросил Цицерон, но тут же добавил: – Да замолчишь ли ты, наконец!

– Я бы вызвал на суд Луция Корнелия Суллу и всенародно предъявил ему обвинение...

– Замолчи, замолчи же! – воскликнул Цицерон. – Ты всех нас хочешь погубить! Я неразумно воспевал подвиги Мария, я защищал на двух процессах моих клиентов, которые не были приверженцами Суллы, и, разумеется, не снискал этим расположения бывшего диктатора. Неужели ты хочешь, чтобы из-за твоих безумных слов мы последовали за неисчислимыми жертвами его свирепости? А если нас убьют, избавим ли мы тем самым Рим от мрачного могущества тирана? Ведь страх оледенил в жилах римлян их древнюю кровь, тем более что Сулле действительно сопутствуют счастье и удача, и он всемогущ...

– Вместо того чтобы называться Счастливым, лучше бы ему именоваться Справедливым, – ответил Катон уже шепотом, повинаясь настоятельным увещаниям Цицерона; и, борючись с чем-то, он мало-помалу успокоился.

В это время андабаты развлекали народ фарсом – кровавым, мрачным фарсом, участники которого, все двадцать злосчастных гладиаторов, должны были расстаться с жизнью.

Сулла уже пресытился зрелищем, он был занят одной-единственной мыслью, завладевшей им. Он встал и направился туда, где сидела Валерия, любезно поклонился, окинув ее долгим взглядом, которому постарался придать, насколько мог, выражение нежности, покорности, приветливости, и спросил:

– Ты свободна, Валерия?

– Несколько месяцев назад я разошлась со своим мужем...

– Я знаю, – ответил Сулла, на которого Валерия смотрела ласково своими черными глазами. – А меня, – спросил бывший диктатор после минутной паузы, – меня могла бы ты полюбить?

– От всей души! – ответила Валерия, опустив глаза, и обворожительная улыбка приоткрыла ее красивые губы.

– Я люблю тебя, Валерия. Мне кажется, никогда еще я так не любил! – произнес Сулла дрожащим от волнения голосом.

Оба умолкли. Бывший диктатор Рима взял руку красавицы и, горячо поцеловав ее, добавил:

– Через месяц ты будешь моей женой.

И в сопровождении своих друзей он покинул цирк.

Глава III

Таверна Венеры Либитины

На одной из самых дальних узких и грязных улиц Эсквилина, около старинной городской стены времен Сервия Туллия, а именно между Эсквилинскими и Кверкветуланскими воротами, находилась открытая днем и ночью, а больше всего именно ночью, таверна, названная именем Венеры Либитины, или Венеры Погребальной, – богини мертвых, смерти и погребения. Таверна эта, вероятно, называлась так потому, что близ нее с одной стороны находилось маленькое кладбище для плебеев, а с другой стороны, вплоть до базилики Сестерция, тянулся пустырь, куда бросали трупы слуг, рабов и самых бедных людей; лишь волки да коршуны справляли по ним кровавую тризну.

Над входом в таверну помещалась вывеска с изображением Венеры, более похожей на отвратительную мегеру, чем на богиню красоты, – очевидно, ее рисовал незадачливый художник. Фонарь, раскачиваемый ветром, освещал эту жалкую Венеру, но она ничуть не выигрывала от того, что ее можно было лучше рассмотреть. Все же этого скудного освещения было достаточно, чтобы привлечь внимание прохожих к высохшей буковой ветке, прикрепленной над входом в таверну, и несколько рассеять мрак, царивший в этом грязном переулке.

Войдя в маленькую, низкую дверь и спустившись по камням, небрежно положенным один на другой и служившим ступеньками, посетитель попадал в закопченную и сырую комнату.

Направо от входа, у стены, находился очаг, где ярко пылал огонь и готовились в оловянной посуде разные кушанья, среди которых была традиционная кровяная колбаса и неизменные битки; никто не рискнул бы узнать, из чего они делались. Готовила всю эту снедь Лутация Одноглазая, хозяйка и распорядительница этого заведения.

Рядом с очагом в небольшой открытой нише стояли четыре терракотовые статуэтки, изображавшие ларов – покровителей домашнего очага; в их честь горела лампада и лежали букетики цветов и венки.

У очага стоял небольшой, весь перепачканный столик и скамейка некогда красного цвета с позолотой; в минуты, свободные от обслуживания посетителей, на ней сидела Лутация, хозяйка таверны.

Вдоль стен, направо и налево, а также перед очагом расставлены были старые обеденные столы, а вокруг них – длинные топорные скамьи и колченогие табуретки.

С потолка свешивалась жестяная лампада в четыре фитиля, которая вместе с огнем, ярко пылавшим в очаге, рассеивала тьму, царившую в этом подземелье.

Напротив входной двери в стене была пробита дверь, которая вела во вторую комнату, поменьше и чуть почище первой. В углу горел светильник с одним фитилем, слабо освещавший комнату; в полумраке виден был только стол и два обеденных ложа.

Десятого ноября 675 года, около часа первого факела, в таверне Венеры Либитины было особенно много народу, – шум и гам наполняли не только лачугу, но и весь переулок. Лутация Одноглазая вместе со своей рабыней, черной, как сажа, эфиопкой, суежилась, стараясь удовлетворить раздававшиеся одновременно со всех сторон шумные требования проголодавшихся посетителей.

Лутация Одноглазая, сорокапятилетняя женщина, высокая, сильная, плотная и краснощекая, с изрядной проседью в каштановых волосах, была в молодости красавицей. Но лицо ее обезобразил шрам, шедший от виска до носа. Шрам проходил через вытекший правый глаз, веко его закрывало пустую глазницу. За это увечье Лутацию много лет называли «монокола», то есть одноглазая.

Когда-то, в молодости, Лутация была женой легионера Руфино, больше года храбро сражавшегося в Африке против Югурты.

Когда Гай Марий победил нумидийского царя и Руфино вместе с Марием вернулся в Рим, Лутация была в расцвете красоты, но – увя! – не во всем подчинялась предписаниям, касающимся брака, изложенным в Законах двенадцати таблиц⁸². В один прекрасный день муж приревновал ее к мяснику, свежававшему по соседству свиней, выхватил меч и прикончил соседа, затем ударом меча постарался внушить жене необходимость соблюдения указанных законов; память об этом осталась у нее на всю жизнь. Руфино думал, что убил жену. Боясь, что придется отвечать перед квесторами не столько за смерть Лутации, сколько за убийство мясника, он поспешил в ту же ночь уехать. Сражаясь под начальством боготворимого им полководца Гая Мария, он был убит во время памятного боя при Аквах Секстиевых, где доблестный уроженец Арпина⁸³, разбив наголову тевтонские орды, спас Рим от величайшей опасности.

Через много месяцев, оправившись от ужасной раны, Лутация извлекла все свои сбережения, кое-кто помог ей, и она собрала небольшую сумму, на которую могла купить обстановку для таверны. Прибегнув к великодушию Квинта Цецилия Метелла Нумидийского⁸⁴, она получила в дар эту жалкую лачугу.

Несмотря на свое обезображенное лицо, услужливая и веселая Лутация еще привлекала некоторых посетителей; не раз из-за нее происходили драки.

Заходили в таверну Венеры Либитины бедняки ремесленники – плотники, гончары, кузнецы, – а также самые отпетые забулдыги: могильщики, атлеты из цирка, комедианты и шуты самого низкого пошиба, гладиаторы и нищие, притворявшиеся калеками.

Но Лутация Одноглазая не отличалась щепетильностью и не обращала внимания на всякие тонкости – ведь таверна ее не была предназначена для менял, всадников и патрициев. К тому же добродушная Лутация считала, что, по воле Юпитера, солнце сияет на небе одинаково как для богатых, так и для бедных, и если для богачей открыты винные и пирожные лавки, трактиры и гостиницы, то и бедняки должны иметь где-то пристанище. А кроме того, Лутация успела убедиться, что квадрант, асс и сестерций⁸⁵ из кармана бедняка или какого-нибудь мошенника ничем не отличаются от таких же монет из кошелька зажиточного горожанина или надменного патриция.

– Лутация, черт возьми, скоро ли ты подашь эти проклятые битки? – орал старый гладиатор, лицо и грудь которого были покрыты шрамами.

– Ставлю сестерций, что Лувений доставляет ей с Эсквилинского поля мертвечину, не доеденную воронами. Вот из какого мяса Лутация готовит свои дьявольские битки! – кричал нищий, сидевший рядом со стариком гладиатором.

Громкий хохот раздался в ответ на зловещую шутку нищего, притворявшегося калекой. Однако могильщику Лувению, коренастому толстяку с багровым и угреватым лицом, выражавшим тупое равнодушие, не пришлось по вкусу шутка нищего, и в отместку он громко заявил:

– Лутация, послушай честного могильщика: когда готовишь битки для этого чумазого Велления (так звали нищего), клади в них тухлую говядину – ту самую, что он привязывает веревкой к груди и выдает за кровавые раны. Никаких ран у него и в помине нет, только надует сердобольных людей, чтобы ему подавали побольше.

За этой репликой последовал новый оглушительный взрыв хохота.

⁸² *Законы двенадцати таблиц* относятся к середине V в. до н. э. и отражают социальные отношения в римском обществе в момент его перехода к рабовладению. Не касаясь основ государственного строя, они регулировали взаимоотношения правовые, а также семейные. Эти законы были написаны на двенадцати бронзовых таблицах и выставлены на Форуме.

⁸³ Гай Марий.

⁸⁴ *Квинт Цецилий Метелл* был послан в 109 г. до н. э. в Африку для борьбы с Югуртой; нанес ему поражение в битве при реке Мутуле и после этой победы получил прозвище Нумидийский.

⁸⁵ *Асс, квадрант, сестерций* – мелкие римские монеты.

– Не будь Юпитер лентяем и не спи он так крепко, уж он истратил бы одну из своих молний и мигом испепелил бы тебя! Прощай тогда могильщик Лувений, бездонный, зловонный бурдюк!

– Клянусь черным скипетром Плутона, я так отделаю кулаками твою варварскую⁸⁶ рожу, таких язв насажаю, что тебе не придется обманывать людей, попрошайка, будешь молить о жалости по праву.

– А ну подойди, подойди, пустомеля! – вскочив с места, вопил во все горло нищий, потрясая кулаками. – Подойди! Я тебя живо отправлю к Харону и, клянусь крыльями Меркурия, прибавлю тебе из своих денег еще одну медную монетку: всажу ее тебе в твои волчьи зубы, держи крепче!

– Перестаньте вы, старые клячи! – заревел Гай Тауривий, огромного роста атлет из цирка, увлеченный игрой в кости. – Перестаньте, а не то, клянусь всеми богами Рима, я так вас стукну друг о дружку, что перебыю все ваши трухлявые кости и превращу вас в трепаную коноплю!

К счастью, в эту минуту Лутация Одноглазая и ее рабыня, эфиопка Азур, внесли и поставили на стол два огромнейших блюда, наполненные дымящимися битками. На них с жадностью набросились две самые большие компании из числа собравшихся в таверне.

Сразу водворилась тишина. Счастливицы, первыми получившие еду, придя в веселое настроение, пожирали битки и находили стряпню Лутации превосходной. А в это время за другими столами играли в кости, перемешивая игру с грубым богохульством и разговорами на злободневную тему – о бое гладиаторов в цирке, на котором посчастливилось присутствовать кое-кому из посетителей, являвшихся свободными гражданами. Они рассказывали чудеса на удивление тем, кто принадлежал к сословию рабов и не допускался на зрелища в цирк. Все в один голос превозносили мужество и силу Спартака.

Лутация сновала взад и вперед, подавала на столы колбасу. Мало-помалу в таверне Вены Либитины установилась тишина.

Первым нарушил молчание старый гладиатор.

– Я двадцать два года бился в амфитеатрах и цирках, – громко сказал он. – Меня, правда, немножко продырявили, распороли и опять сшили, а все-таки я спас свою шкуру, значит, храбростью и силой меня не обидели боги. Но, скажу вам, я еще не встречал и не видывал такого гладиатора, такого силача и такого фехтовальщика, как Спартак Непобедимый!

– Родись он римлянином, – добавил покровительственным тоном атлет Гай Тауривий (сам он родился в Риме), – его можно было бы возвести в герои.

– Как жаль, что он варвар! – воскликнул Эмилий Варин, красивый юноша лет двадцати, с лицом, уже изборожденным преждевременными морщинами.

– Ну и счастливцев же этот Спартак! – заметил старый хромой легионер, сражавшийся в Африке; лоб его пересекал широкий рубец. – Хоть он и дезертир, а ему даровали свободу! Слыханное ли дело! Сулла, видимо, был в добром расположении, вот и расщедрился!

– Вот, должно быть, злился ланиста Акциан! – сказал старый гладиатор.

– Да он всем плакался: ограбили, разорили, погубили!..

– Ничего, за свой товар он получил звонкой монетой!

– Да, надо правду сказать, товар был хорош! Такие молодцы – один лучше другого!

– Кто же спорит, товар был хорош, но и двести двадцать тысяч сестерциев тоже деньги немалые.

– Да еще и какие! Клянусь Юпитером Статором!

– Клянусь Геркулесом! – воскликнул атлет. – Мне бы их, эти денежки! Как мне хочется познать все радости, которые может дать человеку золото!

⁸⁶ Варвар – у римлян: чужеземец, неприятель.

– Ты?.. А мы-то что же? Ты думаешь, Тауривий, мы не сумели бы вкусить наслаждений, заполучив двести двадцать тысяч сестерциев?

– Сорить деньгами дело нетрудное, да не всякий умеет скопить их.

– Только вы уж не убеждайте меня, что Сулле трудом достались его богатства.

– Он начал с того, что получил наследство от одной женщины... из Никополя...

– Она уже была в летах, когда влюбилась в него; а он был тогда еще молод и если не красив, то, уж наверное, не так уродлив, как теперь.

– Умирая, она завещала ему все свои богатства.

– А в молодости он был беден. Я знал одного гражданина, у которого Сулла долго жил в доме нахлебником, – сказал атлет, – он получал три тысячи сестерциев в год.

– В войне с Митридатом, при осаде и взятии Афин, Сулла сумел захватить львиную долю добычи. Вот тогда он приумножил свое богатство. А потом наступили времена проскрипций, и по приказу Суллы было убито семнадцать консулов, шесть преторов⁸⁷, шестьдесят эдилов и квесторов, триста сенаторов, тысяча шестьсот всадников и семьдесят тысяч граждан. И как вы думаете, куда пошло все их имущество? Прямо в казну? А Сулле так-таки ничего и не перепало?

– Хотелось бы мне получить хотя бы самую малую толику того, что ему досталось во времена проскрипций!

– И все же, – задумчиво сказал Эмилий Варин, хорошо образованный юноша, склонный в этот вечер пофилософствовать, – пусть Сулла из бедняка превратился в богача, пусть он высился из неизвестности и стал диктатором Рима, триумфатором, пусть ему воздвигли золотую статую перед рострами с надписью: «Корнелий Сулла Счастливый, император», а все же этот всемогущий человек страдает неизлечимой болезнью, которую не в силах победить ни золото, ни науки.

Слова эти произвели глубокое впечатление на весь собравшийся здесь сброд, и все единодушно воскликнули:

– Да, верно, верно!..

– Так ему и надо! – со злобой крикнул хромой легионер, сражавшийся в войсках Гая Мария в Африке и благоговевший перед памятью своего полководца. – Поделом ему! Пускай помучится. Он бешеный зверь, чудовище в человеческом обличье! Это ему зачлась пролитая им кровь шести тысяч самнитов. Они сдались Сулле при условии, что он сохранит им жизнь, и все шесть тысяч человек были умерщвлены в цирке. Когда в них метали там стрелы, сенаторы, собравшиеся в курии Гостилия, услышав душераздирающие крики несчастных, в страхе вскочили с мест, а Сулла преспокойно продолжал свою речь и лишь холодно заметил сенаторам, чтобы они слушали его внимательно и не беспокоились по поводу того, что происходит снаружи: там просто дают, по его приказу, урок кучке презренных негодяев.

– А резня в Пренесте, где он за одну ночь, не щадя ни пола, ни возраста, перебил все злосчастное население города – двенадцать тысяч человек!

– Не он ли разрушил и сровнял с землей Сульмон, Сполетий, Интерамну, Флоренцию, самые цветущие города Италии, за то, что они были приверженцами Мария и нарушили верность Сулле?

– Эй, ребята, замолчите! – крикнула Лутация; она сидела на скамейке и укладывала на сковородку зайчатину, которую собиралась жарить. – Вы, сдается мне, хулите диктатора Суллу Счастливого? Предупреждаю, держите язык за зубами! Я не хочу, чтобы в моей таверне поносили величайшего гражданина Рима!

⁸⁷ Претор – а) должностное лицо, стоявшее степеню ниже консула и имевшее в своем ведении судебную власть; главной обязанностью преторов была охрана порядка в городе; б) наместник римской провинции с правом главнокомандующего.

– Так вот оно что! Оказывается, косоглазая-то – сторонница Суллы! Ах ты проклятая! – воскликнул старый легионер.

– Эй ты, Меттий, – заорал могильщик Лувений, – говори с уважением о нашей любезной Лутации!

– Клянусь щитом Беллоны, ты у меня замолчишь! Вот еще новость! Какой-то могильщик смеет приказывать африканскому ветерану!

Неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, как вдруг с улицы послышался нестройный хор женских голосов.

– Это Эвения, – заметил один из гостей.

– Это Луцилия.

– Это Диана.

Все взгляды устремились на дверь, в которую входили, танцуя, пять девиц в чересчур коротких одеждах.

Мы не будем останавливаться на сцене, последовавшей за появлением женщин; отметим лучше то усердие, с которым Лутация и ее рабыня накрывали на стол, – судя по приготовлениям, ужин обещал быть роскошным.

– Кого это ты ждешь сегодня вечером в свою харчевню, для кого жарить драных кошек и хочешь выдать их за зайцев? – спросил нищий Веллений.

– Не ждешь ли ты, часом, к ужину Марка Красса?

– Нет, она ждет самого Помпея Великого!

Смех и остроты продолжались, как вдруг в дверях таверны появился человек огромного роста и могучего телосложения; хотя волосы у него уже были с сильной проседью, он все еще был хорош собой.

– А, Требоний!.. Здравствуй, Требоний!.. Добро пожаловать, Требоний! – послышалось одновременно из разных углов таверны.

Требоний был ланистой; несколько лет назад он закрыл свою школу и жил на сбережения, скопленные от этого прибыльного занятия. Но привычка и склонность тянули его в среду гладиаторов, и он был завсегдатаем всех дешевых трактиров и кабаков Эсквилина и Субуры, в которых шумно веселились эти пасынки судьбы.

Поговаривали, что он, несмотря на то что сам происходил из гладиаторов и гордился связью с ними, оказывал услуги и патрициям. Во время гражданских смут ему поручали нанимать большое число гладиаторов.

Говорили, что под началом Требония были целые полчища гладиаторов, во главе которых он появлялся то на Форуме, то в комициях, когда обсуждался какой-нибудь важный вопрос и кое-кому выгодно было навести страх на судей или создать замешательство, а подчас и затеять драку во время выборов судей или должностных лиц. Утверждали, что Требоний получал большую выгоду от подобных занятий.

Как бы то ни было, Требоний считался другом и покровителем гладиаторов, и в этот день по окончании зрелищ в цирке, на которых он, как всегда, присутствовал, он дождался Спартака у входа, обнял его, расцеловал и, поздравив, пригласил на ужин в таверну Венеры Либитины.

Требоний пришел в таверну Лутации в сопровождении Спартака и десятка других гладиаторов.

Спартак все еще был в той пурпурной тунике, в которой сражался на арене цирка. На плечи его был накинут плащ покороче тоги; солдаты носили обычно подобные плащи поверх доспехов. Спартак получил этот плащ во временное пользование у одного центуриона, друга Требония.

Завсегдатаи таверны встретили гостей шумными приветствиями. Побывавшие в этот день в цирке с гордостью показывали другим героя дня – мужественного Спартака.

– Сюда, сюда, доблестный гладиатор,– сказала Лутация, опережая Спартака и Требония и приглашая их в другую комнату,– тут для вас приготовлен ужин. Идите, идите,– добавила она,– твоя Лутация, Требоний, позаботилась о тебе. Угощу вас отменным жарким: такого зайца не подадут к столу даже у Марка Красса!

– Что ж, попробуем, оценим твои кушанья, плутовка ты эдакая! – отвечал Требоний, легонько похлопывая Лутацию по плечу. – А пока что подай нам амфору старого велитернского. Только смотри – старого!

– Всеблагие боги! – воскликнула Лутация, заканчивая приготовления к ужину, в то время как гости садились за стол. – Всеблагие боги! Он еще предупреждает – «старого»! Да я самого лучшего приготовила!.. Подумать только – пятнадцатилетней выдержки! Это вино хранится со времен консульства Гая Целлия Кальда⁸⁸ и Луция Домиция Агенобарба!⁸⁹

Пока Лутация занимала гостей, ее рабыня, эфиопка Азур, принесла амфору. Она сняла печать, которую гости принялись рассматривать, передавая один другому, и налила часть вина в высокий сосуд из толстого стекла, до половины наполненный водой, а остаток вина перелила из амфоры в меньший сосуд, предназначенный для чистого, неразбавленного вина. Оба сосуда Азур водрузила на стол, а Лутация перед каждым из гостей поставила чаши. Между сосудами она поместила черпак, им наливали в чаши чистое или разбавленное вино.

Вскоре гладиаторы получили возможность оценить искусство Лутации, приготовившей жаркое из зайца, а также решить, сколько лет насчитывало вино. Если велитернское и не вполне соответствовало дате, помеченной на амфоре, когда ее запечатывали, все же вино было признано выдержанным и весьма недурным.

Ужин удался, вина было вволю, гладиаторы веселились от души. Все располагало к дружеской беседе и оживлению, и вскоре действительно стало очень шумно.

Один только Спартак, которого все осыпали восторженными похвалами, не разделял общего веселья, не шутил, ел как бы нехотя. Быть может, он все еще был во власти пережитого за этот день и не успел прийти в себя от ошеломляющего сознания нежданно обретенной свободы. Казалось, над его головой нависло облако печали и тоски, и ни острой шуткой, ни ласковым словом сотрапезникам не удавалось разогнать его грусть.

– Клянусь Геркулесом, милый Спартак, я не могу понять тебя!..– обратился к нему Требоний и хотел было налить велитернского в чашу Спартака, но заметил, к своему удивлению, что она полна. – Что с тобою? Почему ты не пьешь?

– Отчего ты такой грустный? – спросил один из гостей.

– Клянусь Юноной, матерью богов! – воскликнул другой гладиатор, судя поговору – самнит. – Можно подумать, что мы собрались не на товарищескую пирушку, а на поминальную тризну. И ты, Спартак, как будто празднуешь не свою свободу, а оплакиваешь смерть своей матери!

– Матери! – с громким вздохом повторил Спартак, словно потрясенный этими словами.

И, так как он опечалился еще больше, бывший ланиста Требоний встал и, подняв свою чашу, воскликнул:

– Предлагаю выпить за свободу!

– Да здравствует свобода! – дружно закричали гладиаторы; при одном этом слове у них засверкали глаза. Все встали и высоко подняли свои чаши.

– Ты счастлив, Спартак, что добился свободы при жизни,– с горечью сказал белокурый молодой гладиатор,– а к нам она придет только вместе со смертью!

⁸⁸ Гай Целлий Кальд – народный трибун в 107 г. до н. э., консул в 94 г. до н. э., сторонник Мария.

⁸⁹ Луций Домиций Агенобарб – консул в 94 г. до н. э., приверженец Суллы; умерщвлен по приказанию Мария Младшего (приемного сына Гая Мария).

При возгласе «свобода» лицо Спартака прояснилось; улыбаясь, он высоко поднял свою чашу и звучным, сильным голосом воскликнул:

– Да здравствует свобода!

Но печальные слова молодого гладиатора так взволновали его, что он не мог допить чашу – вино не шло ему в горло, и Спартак снова опустил голову. Он поставил чашу и сел, погружившись в глубокое раздумье. Наступило молчание, глаза десяти гладиаторов были устремлены на счастливого, получившего свободу, в них светились зависть и радость, веселье и печаль.

Вдруг Спартак прервал молчание. Задумчиво устремив неподвижный взгляд на стол, медленно отчеканивая слова, он произнес вслух строфу знакомой всем песни – ее обычно пели гладиаторы в часы фехтования в школе Акциана:

Он родился свободным
Под отеческим кровом,
Но в железные цепи
Был врагами закован.
Не за родину ныне
Бьется он на чужбине,
Не за милый далекий
За родительский кров
Льется в битве жестокой
Гладиатора кровь⁹⁰.

– Наша песня! – шептали удивленно и радостно некоторые из гладиаторов.

Глаза Спартака засияли от счастья, но тотчас, как бы желая скрыть свою радость, причину которой не мог уяснить себе Требоний, Спартак опять помрачнел.

– Из какой вы школы гладиаторов? – спросил он своих сотрапезников.

– Ланисты Юлия Рабеция.

Спартак взял свою чашу и, с равнодушным видом выпив вино, произнес, повернувшись к выходу, словно обращаясь к служанке, входившей в эту минуту:

– Света!

Гладиаторы переглянулись, а молодой белокурый самнит промолвил с рассеянным видом, как будто продолжая прерванный разговор:

– И свободы!.. Ты ее заслужил, храбрый Спартак!

И тут Спартак обменялся с ним быстрым выразительным взглядом – они поняли друг друга.

Как раз в то мгновение, когда юный гладиатор произносил эти слова, раздался громкий голос человека, появившегося в дверях:

– Ты заслужил свободу, непобедимый Спартак!

Все повернули голову и увидели у порога неподвижно стоявшего человека могучего сложения, в широкой пенуле⁹¹ темного цвета; то был Луций Сергей Катилина.

При слове «свобода», которое подчеркнул Катилина, Спартак и все гладиаторы, за исключением Требония, обратили к нему вопрошающие взгляды.

– Катилина! – воскликнул Требоний; он сидел спиной к дверям и не сразу заметил вошедшего.

Он поспешил навстречу Катилине, почтительно поклонился ему и, по обычаю, поднеся в знак приветствия руку к губам, сказал:

⁹⁰ Перевод стихотворных текстов М. Талова.

⁹¹ *Пенула* – верхнее дорожное платье; теплый плащ с капюшоном.

– Привет тебе, славный Катилина!.. Какой доброй богине, нашей покровительнице, обязаны мы честью видеть тебя среди нас в такой час и в таком месте?

– Я искал тебя, Требоний,– ответил Катилина,– а также и тебя,– добавил он, повернувшись к Спартаку.

Услыхав имя Катилины, известного всему Риму своей жестокой непреклонностью, силой и отвагой, гладиаторы переглянулись: некоторые, надо заметить, испугались и побледнели. Даже сам Спартак, в груди которого билось бесстрашное сердце, невольно вздрогнул, услышав голос грозного патриция; нахмутив лоб, он пристально смотрел на Катилину.

– Меня? – спросил удивленный Спартак.

– Да, именно тебя,– спокойно ответил Катилина, сев на скамью, которую ему пододвинули, и сделал знак, приглашая всех садиться. – Я не думал встретить тебя тут, даже не надеялся на это, но я был почти уверен, что застану здесь Требония и он научит меня, как найти отважного и доблестного Спартака.

Пораженный Спартак не спускал глаз с Катилины.

– Тебе дали свободу, и ты достоин ее. Но у тебя нет денег, чтобы прожить до той поры, пока ты найдешь заработок. А так как благодаря твоей храбрости я выиграл больше десяти тысяч сестерциев, держа пари с Гнеем Корнелием Долабеллой, я и искал тебя, чтобы вручить тебе часть выигрыша. Она твоя: если я рисковал деньгами, то ты в продолжение двух часов рисковал своей жизнью.

Среди присутствующих пробежал шепот одобрения и симпатии к этому аристократу, который снизошел до встречи с презираемыми всеми гладиаторами, восторгался их подвигами и помогал в беде.

Спартак, не питая доверия к Катилине, был тем не менее тронут участием, проявленным к нему столь высокой особой,– он отвык от такого отношения к себе.

– Благодарю тебя, о славный Катилина, за твое благородное намерение! – ответил он. – Однако я не могу, не имею права принять твой дар. Я буду преподавать приемы борьбы, гимнастику и фехтование в школе моего прежнего хозяина и, надеюсь, проживу своим трудом.

Катилина постарался отвлечь внимание сидевшего рядом с ним Требония и, протянув ему свою чашу, приказал разбавить велитернское водой, а сам тем временем наклонился к Спартаку и едва слышным шепотом торопливо сказал:

– Ведь и я терплю притеснения олигархов, ведь я тоже раб этого мерзкого, растленного римского общества, я тоже гладиатор среди этих патрициев, я тоже мечтаю о свободе... и знаю все...

Спартак, вздрогнув, откинул голову и посмотрел на него с выражением недоумения, а Катилина продолжал:

– Да, я знаю все... и я с вами... буду с вами... – А затем, поднявшись со своего места, он произнес громким голосом, чтобы все его слышали: – Ради этого ты и не отказывайся принять кошелек с двумя тысячами сестерциев в красивых новеньких ауреях⁹². – И, протянув Спартаку изящный кошелек, Катилина добавил: – Повторяю, это вовсе не подарок, ты заработал эти деньги, они твои; это твоя доля в сегодняшнем выигрыше.

Все присутствующие осыпали Катилину почтительными похвалами, восхищаясь его щедростью, а он взял в свою руку правую руку Спартака, и при этом рукопожатии гладиатор встрепенулся.

– Теперь ты веришь, что я знаю все? – спросил его вполголоса Катилина.

Спартак был поражен, он никак не мог понять, откуда патрицию известны некоторые тайные знаки и слова, но ясно было, что Катилина действительно их знает; поэтому он ответил Луцию Сергию рукопожатием и, спрятав кошелек на груди под туникой, сказал:

⁹² Аурея – золотая монета, равная 100 сестерциям.

– Сейчас я слишком взволнован и озадачен твоим поступком, благородный Катилина, и плохо могу выразить тебе благодарность. Завтра утром, если разрешишь, я явлюсь к тебе, чтобы излить всю свою признательность.

Произнося медленно и четко каждое слово, он испытующе взглянул на патриция. В ответ Катилина наклонил голову в знак понимания и сказал:

– У меня в доме, Спартак, ты всегда желанный гость. А теперь, – добавил он, быстро повернувшись к Требонию и к другим гладиаторам, – выпьем чашу фалернского, если оно водится в такой дыре.

– Если уж моя ничтожная таверна, – любезно сказала Лутация Одноглазая, стоявшая позади Катилины, – удостоилась чести принять в своих убогих стенах такого высокого гостя, такого прославленного патриция, как ты, Катилина, то, видно, сами боги-провидцы помогли мне: в погребке бедной Лутации Одноглазой хранится маленькая амфора фалернского, достойная пиршественного стола самого Юпитера.

И, поклонившись Луцию Сергию, она ушла за фалернским.

– А теперь выслушай меня, Требоний, – обратился Катилина к бывшему ланисте.

– Слушаю тебя со вниманием.

Гладиаторы смотрели на Катилину и изредка вполголоса обменивались одобрительными замечаниями по поводу его физической силы, могучих рук с набухшими узловатыми мускулами, а он тем временем вполголоса вел беседу с Требонием.

– Я слышал, слышал, – заметил Требоний. – Это меняла Эзефор, у которого лавка на углу Священной и Новой улиц, недалеко от курии Гостилия...

– Вот именно. Ты сходи туда и, как будто из желания оказать Эзефору услугу, намекни, что ему грозит опасность, если он не откажется от своего намерения вызвать меня к претору для немедленной уплаты пятисот тысяч сестерциев, которые я ему должен.

– Понял, понял.

– Скажи ему, что, встречаясь с гладиаторами, ты слышал, как они перешептывались между собой о том, что многие из молодых патрициев, связанные со мной дружбой и признательные мне за щедрые дары и за льготы, которыми они обязаны мне, завербовали – разумеется, тайно от меня – целый манипул⁹³ гладиаторов и собираются сыграть с ним плохую шутку...

– Я все понял, Катилина, не сомневайся. Выполню твое поручение как должно.

Тем временем Лутация поставила на стол фалернское вино; его разлили по чашам и, попробовав, нашли неплохим, но все же не настолько выдержанным, как это было бы желательно.

– Как ты его находишь, о прославленный Катилина? – спросила Лутация.

– Хорошее вино.

– Оно хранится со времен консульства Луция Марция Филиппа⁹⁴ и Секста Юлия Цезаря.

– Всего лишь двенадцать лет! – воскликнул Катилина.

При упоминании имен этих консулов он погрузился в глубокую задумчивость; пристально глядя широко открытыми глазами на стол, он машинально вертел в руке оловянную вилку. Долгое время Катилина оставался безмолвным среди воцарившегося вокруг молчания.

Судя по тому, как внезапно загорелись огнем его глаза, задрожали руки, судорога пробежала по лицу и вздулась перерезавшая лоб жила, в душе Катилины происходила борьба различных чувств и какие-то мрачные мысли теснились в его мозгу.

⁹³ *Манипул* – половина когорты (250—300 человек).

⁹⁴ *Луций Марций Филипп* – народный трибун в 104 г. до н. э.; консул в 91 г. до н. э. Во время борьбы Мария и Суллы он стоял на стороне последнего.

Человек прямой и открытый по натуре, он оставался таким и в минуты проявления своей жестокости. Он не хотел, да и не мог скрыть бушевавшую в его груди бурю противоречивых страстей, и она, как в зеркале, отражалась на его энергичном лице.

– О чем ты думаешь, Катилина? Ты чем-то огорчен? – спросил его Требоний, услышав вырвавшийся у него глухой стон.

– Старое вспомнил, – ответил Катилина, не отводя взора от стола и нервно вертя в руках вилку. – Мне вспомнилось, что в том же году, когда была запечатана амфора этого фалернского, предательски был убит в портике своего дома трибун Ливии Друз и другой трибун, Луций Апулей Сатурнин⁹⁵. А за несколько лет до того зверски убиты Тиберий и Гай Гракхи⁹⁶ – два человека самой светлой души, которые когда-либо украшали нашу родину! И все они погибли за одно и то же дело – за дело неимущих и угнетенных; и всех их погубили одни и те же тиранические руки – руки подлых оптиматов⁹⁷.

И, подумав минуту, он воскликнул:

– Возможно ли, чтобы в заветах великих богов было начертано, что угнетенные никогда не будут знать покоя, что неимущие всегда будут лишены хлеба, что земля всегда должна быть разделена на два лагеря – волков и ягнят, пожирающих и пожираемых?

– Нет! Клянусь всеми богами Олимпа! – вскричал Спартак громоподобным голосом и стукнул своим большим кулаком по столу; лицо его выражало глубокую ненависть и гнев.

Катилина вздрогнул и устремил глаза на Спартака. Тот заговорил более спокойно, могучим усилием воли подавив свое волнение:

– Нет, великие боги не могли допустить в своих заветах такую несправедливость!

Снова наступило молчание, которое прервал Катилина. В его голосе звучали печаль и сострадание:

– Бедный Друз... Я знал его... Он был еще так молод... благородный и сильный духом человек. Природа щедро наделила его способностями, а он пал жертвой измены и насилия.

– И я его помню, – сказал Требоний. – Помню, как он произносил речь в комиции, когда вновь предлагал утвердить аграрные законы. Выступая против патрициев, он сказал: «При вашей жадности вы скоро оставите народу только грязь и воздух».

– Злейшим его врагом был консул Луций Марций Филипп, – заметил Катилина. – Однажды народ восстал против него, и Филипп, несомненно, был бы убит, если бы Друз не спас его, уведя в тюрьму.

– Он немножко запоздал: у Филиппа все лицо было в синяках, а из носа текла кровь.

Пока происходила эта беседа, в передней комнате в соответствии с количеством поглощаемого пьяницами вина стоял невероятный шум и гам и все громче раздавались оглушительные восклицания. Вдруг Катилина с его соградезниками услышали, как в передней комнате все хором закричали:

– Родопея, Родопея!

При этом имени Спартак вздрогнул. Оно напомнило ему родную Фракию, ее горы, отчий дом, семью! Сладостные и вместе с тем горькие воспоминания.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать, прекрасная Родопея! – громко закричали человек двадцать бездельников сразу.

⁹⁵ *Луций Апулей Сатурнин* – народный трибун в 103—100 гг. до н. э.; сторонник Мария, энергичный руководитель народной партии, автор законопроектов о наделении ветеранов Марией земель, о снижении цен на хлеб и др. Оптиматы оказывали ожесточенное сопротивление этим мерам. Сатурнин был убит в помещении сената.

⁹⁶ *Гракхи* – братья Тиберий и Гай, знаменитые римские политические деятели во II в. до н. э. Будучи трибунами, Гракхи хотели провести реформы в пользу обедневших свободных римлян; дешевую продажу хлеба, облегчение военной службы и др. Этими мерами они возбудили против себя знать и сенат. В 133 г. до н. э. был убит Тиберий, а в 121 г. до н. э. погиб Гай Гракх.

⁹⁷ *Оптиматы* – аристократическая верхушка, состоявшая из служилой знати, крупных рабовладельцев, преимущественно владевших землями в пределах самой Италии. В политическом отношении оптиматы представляли собой консервативную группировку, опиравшуюся на сенат. Вождем оптиматов был Луций Корнелий Сулла.

– Попотчует красавицу вином за то, что она пожаловала к нам,– сказал могильщик, и все присутствующие окружили девушку.

Родопея была молода, не больше двадцати двух лет, и действительно хороша собой: высокая, стройная, беленькая, правильные черты лица, длинные белокурые волосы, голубые, живые и выразительные глаза. Ярко-голубая туника с серебряной каймой, серебряные запястья, голубая шерстяная повязка явно свидетельствовали о том, что она не римлянка, а рабыня и ведет легкомысленный образ жизни.

Однако, судя по сердечному и довольно почтительному обращению с ней дерзких и наглых посетителей таверны Венеры Либитины, можно было понять, что девушка она хорошая, очень тяготится жизнью, на которую обречена, несчастлива, несмотря на свою показную веселость, и сумела заслужить бескорыстное расположение этих грубых людей.

Нежное личико, скромное поведение, доброта и учтивость Родопеи покорили всех. Однажды она попала в кабачок Лутации вся в крови и слезах от побоев хозяина, ее мучила жажда. Ей дали глоток вина, чтобы немного подкрепиться. Это случилось за два месяца до начала событий, о которых мы повествуем. С тех пор через два-три дня, когда позволяло время, Родопея забегала на четверть часика в таверну. Здесь она чувствовала себя свободной и испытывала блаженство, вырвавшись хоть на несколько минут из того ада, в котором ей приходилось жить.

Родопея остановилась у столика Лутации. Ей поднесли чашу албанского вина, и она стала пить из нее маленькими глотками. Шум, вызванный ее приходом, стих. Вдруг из угла комнаты опять донесся гул голосов.

Могильщик Лувений, его товарищ, по имени Арезий, и нищий Веллений, разгоряченные обильными возлияниями, начали громко судачить о Катилине, хотя все знали, что он сидит в соседней комнате. Пьяницы всячески поносили Катилину и всех патрициев вообще, хотя сотрапезники призывали их к осторожности.

– Ну нет, нет? – кричал могильщик Арезий, такой широкоплечий и высокий малый, что мог бы поспорить с атлетом Гаем Тауривием.– Нет, нет, клянусь Геркулесом! Эти проклятые пиявки живут нашей кровью и слезами. Нельзя пускать их сюда. Пусть они не оскверняют места наших собраний своим гнусным присутствием!

– Да уж, хорош этот богач Катилина, прогрязший в кутежах и пороках, этот лютый палач, приспешник Суллы! Явился сюда в своей роскошной латиклаве только затем, чтобы поиздеваться над нашей нищетой. А кто виноват в этой нищете? Он сам и его друзья патриции!

Так злобно кричал Лувений, стараясь вырваться из рук удерживавшего его атлета, чтобы ринуться в соседнюю комнату и затеять там драку.

– Да замолчи ты, проклятый пьянчужка! Зачем его оскорблять? Ведь он тебя не трогает? Не видишь разве – с ним целый десяток гладиаторов; они раздерут в клочья твою старую шкуру!

– Плевать мне на гладиаторов! Плевать на гладиаторов! – вторя могильщику, орал, как бесноватый, дерзкий Эмилий Варин.– Вы свободные граждане и тем не менее, клянусь всемогущими молниями Юпитера, боитесь этих презренных рабов, рожденных лишь для того, чтобы убивать друг друга ради нашего удовольствия!.. Клянусь божественной красотой Венеры Афродиты, мы должны дать урок этому негодю в роскошной тоге, в котором соединились все пороки патрициев и самой подлой черни, надо навсегда отбить у него охоту любоваться горем несчастных плебеев!

– Убирайся на Палатин!⁹⁸ – кричал Веллений.

⁹⁸ *Палатин* – Палатинский холм; был выбран, по преданию, самим Ромулом для основания Рима. Занимая центральное положение благодаря близости к Форуму, где были сосредоточены вся торговля и общественная жизнь, Палатин сделался излюбленным местом жительства богатых и знатных граждан.

– Хоть в Стикс⁹⁹, только вон отсюда! – добавил Арезий.

– Пусть эти проклятые оптиматы оставят нас, нищих, в покое и не лезут к нам – ни в Целий, ни в Эсквилин, ни в Субуру, пусть убираются отсюда на Форум, в Капитолий, на Палатин и погрязнут в своих бесстыдных пирах и оргиях.

– Долой патрициев! Долой оптиматов! Долой Катилину! – кричали одновременно восемь – десять голосов.

Услышав этот шум, Катилина грозно нахмурил брови и вскочил с места: глаза его загорелись дикой злобой. Оттолкнув Требония и гладиатора, которые пытались удержать его, заверяя, что они сами расправятся с подлым сбродом, он бросился вперед и стал в дверях, мощный, свирепый, скрестив на груди руки и высоко подняв голову. Гневно оглядев присутствующих, он крикнул громким голосом:

– О чем вы тут расквакались, безмозглые лягушки? Зачем пачкаете своим грязным рабским языком достойное уважения имя Катилины? Чего вам нужно от меня, презренные черви?

Грозный звук его голоса на минуту как будто устрасил буянов, но вскоре снова раздался возглас:

– Хотим, чтобы ты убрался отсюда!

– На Палатин! На Палатин! – послышались другие голоса.

– На Гемонскую лестницу¹⁰⁰, там твое место! – вопил пронзительным голосом Эмилий Барин.

– Идите сюда все! А ну-ка, живее! Эй вы, мерзкий сброд! – воскликнул Катилина и расправил руки, словно готовился к драке.

Плебеи пришли в замешательство.

– Клянусь богами Аверна, – крикнул могильщик Арезий, – меня-то ты не схватишь сзади, как бедного Гратидиана! Геркулес ты, что ли?

И он ринулся на Катилину, но получил такой страшный удар в грудь, что зашатался и рухнул на руки стоявших позади него; могильщик Лувений, также бросившийся на Катилину, упал навзничь у ближайшей стены, сраженный ударами мощных кулаков, которыми Катилина с быстротою молнии барабанил по его лысому черепу.

Женщины, сбившись в кучу, с визгом и плачем прятались за стойкой Лутации. Поднялась суматоха; люди метались взад и вперед, отшвыривали и опрокидывали скамьи, били посуду; стояли грохот, крик, оглушительный шум и гам, сыпались проклятия и ругань. Из другой комнаты долетали голоса Требония, Спартака и других гладиаторов, упрасивавших Катилину отойти от дверей, чтобы дать им возможность вмешаться в драку и положить ей конец.

Тем временем Катилина мощным пинком в живот свалил нищего Велления, который бросился на него с кинжалом.

При виде упавшего Велления враги Катилины, столпившиеся у дверей задней комнаты, отступили, а Луций Сергий, обнажив короткий меч, бросился в большую комнату и, нанося удары плашмя по спинам пьяниц, прерывисто кричал диким голосом, похожим на рев зверя:

– Подлая чернь, дерзкие нахалы! Всегда готовы лизать ноги тому, кто вас топчет, и оскорблять того, кто снисходит до вас и протягивает вам руку!..

Вслед за Катилиной, как только он освободил вход в большую комнату, ворвались один за другим Требоний, Спартак и их товарищи.

Под натиском гладиаторов вся толпа, которая уже стала отступать под градом ударов Катилины, бросилась со всех ног на улицу. В таверне остались только хрипло стонавшие Веллений и Лувений, распростертые на полу, оглушенные ударами, и Гай Тауривий, не принимав-

⁹⁹ *Стикс* – по верованиям древних греков, река, семь раз обтекающая подземное царство мертвых.

¹⁰⁰ *Гемонская лестница* (Гемонии) – высеченная в скалистом склоне Капитолийского холма лестница, по которой крюками стаскивались в Тибр тела казненных.

ший участия в свалке; скрестив на груди руки, он стоял в углу около очага, как безучастный зритель.

– Мерзкое отродье! – кричал, тяжело дыша, Катилина.

Он до самого выхода преследовал убегающих. Повернувшись затем к женщинам, продолжавшим жаловаться и плакать, он крикнул:

– Да замолчите же, проклятые плаксы! На тебе, – сказал он, бросая пять золотых на стол, за которым сидела Лутация, печально подсчитывая свои убытки: разбитую посуду и скамьи, кушанья и вина, не оплаченные сбежавшими буянами. – На тебе, несносная болтунья! Катилина платит за всех этих мошенников!

В эту минуту Родопея, смотревшая на Катилину и его друзей расширенными от страха глазами, вдруг побледнела как полотно и, вскрикнув, бросилась к Спартаку:

– Я не ошиблась! Нет, нет, не ошиблась! Спартак!.. Ведь это ты, мой Спартак?

– Как!.. – закричал не своим голосом гладиатор, с невыразимым волнением глядя на девушку. – Ты? Возможно ли это? Ты? Мирца!.. Мирца!.. Сестра моя!..

Брат и сестра бросились друг другу в объятия среди воцарившейся мертвой тишины. Но после первого порыва нежности, поцелуев и слез Спартак вдруг вырвался из объятий сестры, схватил ее за руки, отодвинул от себя и осмотрел с ног до головы, бледнея и шепча дрожащим голосом:

– Ведь ты... ты... – воскликнул он и с горьким презрением оттолкнул от себя девушку. – Ты стала...

– Рабыня я!.. – крикнула она, рыдая. – Я рабыня... А мой господин негодяй!.. Он истязал меня, пытал раскаленным железом... Пойми же, Спартак, пойми!..

– Бедная! Несчастная! – дрожащим от волнения голосом произнес гладиатор. – Приди ко мне на грудь, сюда, сюда! – Он привлек к себе сестру и, крепко целуя, прижимал к своей груди.

Через минуту, вскинув вверх глаза, полные слез и сверкающие гневом, он с угрозой поднял свой мощный кулак и в страшном негодовании воскликнул:

– Да где же молния Юпитера?.. Да разве Юпитер – бог? Нет, нет, Юпитер – просто шут! Юпитер – жалкое ничтожество!

А Мирца, прильнув к широкой груди брата, плакала горькими слезами.

Прошла минута тяжкого молчания, и вдруг Спартак крикнул голосом, не похожим на человеческий:

– Да будет проклята позорная память о первом человеке на земле, от которого произошло два разных поколения: свободных и рабов!

Глава IV

Что делал Спартак, получив свободу

Со времени событий, описанных в предыдущих главах, прошло два месяца.

Накануне январских ид (12 января) следующего, 676 года на улицах Рима утром бушевал сильный северный ветер, нагоняя серые тучи, придававшие небу унылое однообразие. На мокрую и грязную мостовую медленно падали мелкие хлопья снега.

Граждане, пришедшие на Форум по делам, собирались там кучками. Но лишь немногие оставались в этот день на открытом воздухе, — тысячи римлян теснились кто под портиками Форума, а кто под портиками курии Гостилия, Грекостаза¹⁰¹, базилик Порция, Фульвия, Эмилия, Семпронии, храмов Весты, Кастора и Поллукса, Сатурна, храма Согласия, воздвигнутого в 388 году римской эры Фурием Камиллом¹⁰², во времена его последней диктатуры, в честь достижения мирного соглашения между патрициями и плебеями. Прогуливались и под портиками храма богов — покровителей Рима. Величественный и вместительный римский Форум был окружен замечательными зданиями: он тянулся от теперешней площади Траяна до площади Монтанара и от арки Константина до Пантанов, занимая все пространство между холмами Капитолийским, Палатинским, Эсквилином и Виминалом. Современный римский Форум представляет собою лишь бледное подобие древнего.

Много народу собралось внутри базилики Эмилия, великолепного здания, состоявшего из обширного портика с чудесной колоннадой, от которого отходили два других, боковых портика. Здесь попеременно толпились патриции и плебеи, ораторы и деловой люд, горожане и торговцы, которые стояли маленькими группами и обсуждали свои дела. Толпа беспрестанно двигалась взад и вперед, слышался шумный говор.

В глубине главного портика, напротив входной двери, но вдали от нее, высокая длинная балюстрада отделяла часть портика от базилики и образовывала как бы отдельное помещение, где разбирались судебные тяжбы; сюда не доходил шум, и ораторы могли без помехи произносить свои речи перед судьями. Над колоннадой вокруг всей базилики шла галерея, откуда удобно было наблюдать за всем, что происходило внизу.

В этот день на балюстраде, окружавшей галерею, работали каменщики, штукатуры и кузнецы: они украшали ее бронзовыми щитами, на которых с изумительным искусством были изображены подвиги Мария в войне с кимврами.

Базилика Эмилия была воздвигнута предком Марка Эмилия Лепида, избранного в этом году консулом вместе с Квинтом Лутацием Катуллом и приступившего к исполнению своих обязанностей первого января.

Марк Эмилий Лепид, как мы уже говорили, принадлежал к числу приверженцев Мария; став консулом, он прежде всего приказал украсить базилику, построенную его прадедом в 573 году римской эры, вышеупомянутыми щитами, желая заслужить признательность партии популяров в противовес Сулле, разрушившему все арки и памятники, воздвигнутые в честь его доблестного соперника.

Среди праздного люда, глазевшего с верхней галереи на снующую внизу толпу, стоял Спартак; облокотясь на мраморные перила и подперев голову руками, он рассеянно и равнодушно смотрел на суевившийся и волновавшийся внизу народ.

¹⁰¹ *Грекостаз* — особое здание близ курии Гостилия, где останавливались иностранные (преимущественно греческие) послы в ожидании решений сената. Обширная базилика с мраморными колоннами в коринфском стиле.

¹⁰² *Фурий Камилл* — полководец, отличившийся в войне с вольсками и эквами (италийские племена) в 431 г. до н. э. Начиная с 390 г. до н. э. пять раз избирался диктатором. За заслуги перед государством получил звание «отца отечества».

На нем была голубая туника и короткий паллий вишневого цвета, схваченный на правом плече серебряной тонкой работы застежкой в виде щитка.

Неподалеку от него оживленно разговаривали трое граждан. Двое из них уже известны нашим читателям: атлет Гай Тауривий и наглый Эмилий Варин. Третий был одним из многочисленных бездельников, живших за счет ежедневных подачек какого-нибудь патриция; обычно они объявляли себя клиентами¹⁰³ этого аристократа и сопровождали его на Форуме, в комиции, подавали голос по его желанию и приказанию, превозносили его, льстили и надоедали непрерывным попрошайничеством.

То было время, когда после побед в Азии и Африке Рим утопал в роскоши и погряз в восточной лени; когда Греция, побежденная римским оружием, победила своих покорителей, заразив их изнеженностью и привычкой к роскоши; когда неисчислимое и все возрастающее количество рабов исполняло все работы, которыми до того занимались свободные трудолюбивые граждане. Все это убило труд – самый мощный источник силы, нравственности, благоденствия. И Рим, еще носивший личину величия, богатства и мощи, уже ощущал, как в нем самом развиваются зловещие зародыши приближающегося упадка. Клиентела была страшной язвой эпохи, о которой мы повествуем, она повлекла за собою гибельные последствия. Любой патриций, любой консул, любой богатый честолюбец имел свиту в пятьсот – шестьсот клиентов, были даже такие, у которых число клиентов доходило до тысячи. Граждане, вполне способные к труду, избирали профессию клиентов – так же точно, как их предки в былые времена избирали сапожное или плотничье ремесло, становились кузнецами или каменщиками; это были преступные и продажные приверженцы какой-либо партии, нарядившиеся в гордую тогу римлянина; они жили подачками, сплетнями, интригами, низкопоклонством.

Человек, болтавший в галерее базилики Эмилия с Гаем Тауривием и Эмилием Варинем, как раз и был одним из этих вырождающихся римлян. Его звали Апулеем Тудертином, потому что предки его пришли в Рим из Тудера; он был клиентом Марка Красса.

Все трое стояли недалеко от Спартака, толкуя об общественных делах. Спартак, углубившись в серьезные и печальные размышления, не слушал их разговоров.

С тех пор как фракиец нашел свою сестру в столь тяжелом положении, первой мыслью, первой его заботой было вырвать Мирцу из рук человека, оскорбившего и унизившего ее. Катилина со свойственной ему щедростью, на этот раз не вполне бескорыстной, отдал в распоряжение рудиярия и остальные восемь тысяч сестерциев, которые он выиграл в тот день у Долабеллы: он хотел помочь Спартаку выкупить Мирцу.

Спартак с благодарностью взял деньги, обещая вернуть их, хотя Катилина и отказывался от этого, и тотчас же отправился к хозяину сестры, чтобы выкупить ее.

Разумеется, хозяин Мирцы, видя тревогу Спартака за судьбу сестры и его горячее желание освободить ее, непомерно поднял цену. Он говорил, что Мирца обошлась ему в двадцать пять тысяч сестерциев (он приврал наполовину), указывал на то, что она молода, красива, скромна, и, подытожив свои расчеты, объявил, что девушка представляет собою капитал по меньшей мере в пятьдесят тысяч сестерциев. Он поклялся Меркурием и Венерой Мурсийской, что не уступит ни одного сестерция.

Легче себе представить, чем описать отчаяние бедного гладиатора. Он просил, он умолял, но негодай, уверенный в своих правах, зная, что закон на его стороне, был непоколебим.

Тогда Спартак в бешенстве схватил мерзавца за горло и, наверное, задушил бы, если б его не удержала мысль о Мирце, о своей родине, о задуманном им тайном деле, которое было для него священным; он знал, что без него дело это обречено на гибель.

¹⁰³ *Клиенты* – бедные свободнорожденные граждане (или вольноотпущенники), находившиеся под покровительством влиятельного и богатого гражданина и получавшие от него материальную поддержку.

Спартак опомнился и выпустил хозяина Мирцы. У того глаза чуть не выскочили из орбит, лицо и шея посинели, он был оглушен и почти потерял сознание. После нескольких минут раздумья Спартак спокойно обратился к нему, хотя все еще был бледен и весь дрожал от гнева и пережитого волнения:

– Так сколько ты хочешь?.. Пятьдесят тысяч?..

– Я... больше не хо... чу... ни... чего... уби... райся!.. Уби... райся... к черту... или я со... зову... всех сво... их... ра... бов!... – выкрикивал хозяин, заикаясь.

– Прости меня, извини!.. Я вспылил. Бедность виновата... любовь к сестре... Выслушай меня, мы столкнемся.

– Столковаться с таким разбойником, как ты? Ты ведь сразу бросаешься душить человека! – возразил хозяин, уже несколько успокоившись и ощупывая шею. – Вон! Вон отсюда!

Спартаку удалось кое-как успокоить негодяя, и они пришли к такому соглашению: Спартак вручит ему тут же две тысячи сестерциев с условием, что Мирце отведут особое помещение в доме и Спартаку будет разрешено жить вместе с ней. Если через месяц Спартак не выкупит сестру, она опять станет рабыней.

Золотые монеты сверкали очень заманчиво, условие было довольно выгодным: хозяин получал тут чистого дохода по меньшей мере тысячу сестерциев, ничем не рискуя. И он согласился.

Убедившись в том, что Мирцу поместили в удобной маленькой комнатке, расположенной за перистилем дома, Спартак попрощался с ней и направился в Субуру, где жил Требоний.

Он рассказал ему все, что случилось, и просил совета и помощи.

Требоний постарался успокоить Спартака. Он пообещал ему свое содействие и помощь, сказав, что он похлопочет и найдет способ избавить Спартака от забот, даст ему возможность если не совсем освободить сестру, то, по крайней мере, устроить так, чтобы впредь никто не мог обидеть и оскорбить ее.

Обнадеженный обещаниями Требония, Спартак пошел в дом Катилины и с благодарностью вернул ему восемь тысяч сестерциев: сейчас он в них не нуждался. Мятежный патриций долго беседовал со Спартаком в своей библиотеке; говорили они, видимо, о делах секретных и весьма важных, судя по предосторожностям, принятым Катилиной для того, чтобы посторонние не помешали их беседе... Никто не знает, о чем они говорили, но с этого дня Спартак стал часто бывать в доме патриция; теперь их связывали узы дружбы и взаимного уважения.

С того самого дня, как Спартак получил свободу, его прежний ланиста Акциан ходил за ним по пятам и надоедал ему бесконечными разговорами о шаткости его положения, о необходимости устроиться прочно и надежно обеспечить себя. Кончил он тем, что напрямик предложил Спартаку заведовать его школой или же снова запродаться в гладиаторы, причем посулил такую сумму, какой никогда не заплатил бы даже свободнорожденному.

Свободнорожденными назывались люди, родившиеся от свободных граждан или же вольноотпущенников – от свободного и служанки или от слуги и свободной гражданки. Не следует забывать, что, кроме людей, попадавших в рабство во время войн и проданных затем в качестве гладиаторов, иногда, в наказание за какие-либо провинности, существовали еще и гладиаторы-добровольцы. Обычно это были бездельники, кутилы и забияки, погрязшие в долгах, неспособные удовлетворить свои необузданные прихоти и страсть к удовольствиям, буяны, не дорожившие жизнью. Продаваясь в гладиаторы, они давали клятву, формула которой дошла до наших дней, – закончить свою жизнь на арене амфитеатра или цирка.

Спартак, разумеется, решительно отверг все предложения своего прежнего хозяина и попросил ланисту не беспокоить его впредь своими заботами. Но Акциан не переставал преследовать Спартака и вертеться около него подобно злему гению или предвестнику несчастья.

Тем временем Требоний, который полюбил Спартака, а может быть, имел и некоторые виды на него в будущем, усердно занялся судьбой Мирцы. Друг Квинта Гортензия и горячий

поклонник его ораторского таланта, он имел возможность порекомендовать Валерии, сестре Гортензия, купить Мирцу, которая была воспитанной и образованной девушкой, говорила по-гречески, умела умащивать тело маслами и благовониями, знала толк в притираниях, употреблявших знатными патрицианками, и могла быть полезной Валерии для ухода за ее особой.

Валерия не возражала против покупки новой рабыни, если та подойдет ей. Она пожелала увидеть Мирцу, поговорила с ней, и, так как Мирца ей понравилась, тут же купила ее за сорок пять тысяч сестерциев. Вместе с другими рабынями она увезла ее в дом Суллы, женой которого Валерия стала 15 декабря прошлого года.

Хотя это и не совпадало с планами Спартак, мечтавшего о том, чтобы сестра его стала свободной, все же в ее положении это оказалось лучшим выходом: по крайней мере, она была избавлена – и, возможно, навсегда – от позора и бесчестия.

Итак, в какой-то мере устроив судьбу Мирцы, Спартак занялся другими серьезными и, по-видимому, требующими тайны делами, судя по частым его беседам с Катилиной и ежедневным продолжительным свиданиям с ним. Фракиец, кроме того, усердно посещал все школы гладиаторов, а когда в Риме происходили состязания, то он бывал во всех кабачках и тавернах Субуры и Эсквилина, где постоянно искал встреч с гладиаторами и рабами.

О чем же он мечтал, за какое дело взялся, что он замыслил?

Об этом читатель скоро узнает.

Как-то, стоя на верхней галерее базилики Эмилия, Спартак был погружен в глубокое раздумье; он не слышал того, что говорилось вокруг, и ни разу не повернул головы в ту сторону, где громко болтали между собой Гай Тауривий, Эмилий Варин и Апулей Тудертин, не слышал их крикливых голосов и грубых острот.

– Очень хорошо, отлично! – говорил Гай Тауривий, продолжая разговор с товарищами. – Ах, этот милейший Сулла!.. Он решил, что можно разрушить памятники славы Мария? Ах! Ах! Счастливый диктатор думал, что достаточно свалить статую, воздвигнутую в честь Мария на Пинцийском холме, и арку в Капитолии, воздвигнутую в честь победы над тевтонами и кимврами, – и память о Марии исчезнет! Да, да, он считал, что этого достаточно, чтобы стереть всякий след, всякое воспоминание о бессмертных подвигах уроженца Арпина. Несчастный безумец!.. Из-за его свирепости и страшного могущества в наших городах, пожалуй, не осталось бы жителей и вся Италия превратилась бы в груды развалин. Но, как бы то ни было, Югурту победил не он, а Марий! И не кто иной, как Марий, одержал победу при Аквах Секстиевых и Верцеллах!

– Бедный глупец! – визгливо кричал Эмилий Варин. – А вот консул Лепид украшает базилику чудесными щитами, на которых увековечены победы Мария над кимврами!

– Я и говорил, что этот Лепид будет бельмом на глазу у счастливого диктатора!

– Брось ты!.. Лепид ничтожество! – сказал тоном глубочайшего презрения клиент Красса, толстенький человечек с брюшком. – Какую неприятность может он доставить Сулле? Не больше, чем мошка слону!

– Да ты не знаешь разве, что Лепид не только консул, но и богач! Он богаче твоего патрона Марка Красса!

– Что он богат, это я знаю, но что он богаче Красса, этому я не верю.

– А портики в доме Лепида ты видел? Самые красивые, самые великолепные портики не только на Палатине, но и во всем Риме!

– Ну и что ж из того, что у него дом самый красивый в Риме?

– Да ведь это единственный дом, в котором портики построены из нумидийского мрамора!

– Ну и что ж? Этим, что ли, он устроит Суллу?

– Это доказывает, что он могуществен; он силен тем, что народ любит его.

– Его любят римские плебеи. А разве мало они упрекают его за бессмысленную роскошь и безудержное мотовство?

– Не плебеи, а завистливые патриции, которым не под силу с ним тягаться.

– Запомните мои слова,– прервал их Варин,– в этом году случится что-нибудь необыкновенное.

– Почему же?

– Потому, что в Аримине произошло чудо.

– А что там случилось?

– На вилле Валерия петух заговорил человеческим голосом.

– Ну, если это правда, то действительно такое диво предвещает удивительные события!

– Если это правда? Да в Риме все только об этом и говорят. Рассказывали об этом чуде сам Валерий и его семья, вернувшаяся из Аримина, да и слуги их тоже подтверждают.

– Действительно, необыкновенное чудо,– бормотал Апулей Тудертин; человек религиозный, полный предрассудков, он был глубоко потрясен и искал тайного смысла в явлении, которое, как он твердо верил, представляло собою предупреждение богов.

– Коллегия авгуров уже собиралась для разгадки тайны, скрытой в таком странном явлении,– произнес своим скрипучим голосом Эмилий Варин, а затем, подмигнув атлету, добавил: – Я хоть и не авгур, а мне все ясно.

– О! – воскликнул с удивлением Апулей.

– Чему тут удивляться?

– О-о! – на этот раз насмешливо воскликнул клиент Марка Красса.– А ну-ка, объясни нам, раз ты лучше, чем авгуры, понимаешь скрытый смысл этого чуда!

– Это предупреждение богини Весты, оскорбленной поведением одной из своих весталок.

– Ах, ах!.. Теперь я понял! А ведь правда... недурно придумано... иначе и быть не может! – смеясь, сказал Гай Тауривий.

– Ваше счастье, что вы понимаете друг друга с полуслова, а я, признаюсь, недогадлив и ничего не понял.

– Что ты притворяешься? Как это ты не понимаешь?

– Нет, право, клянусь двенадцатью богами Согласия, не понимаю...

– Да ведь Варин намекает на роман одной из дев-весталок, Лицинии, с твоим патроном!

– Злостная клевета! – возмущенно воскликнул верный клиент.– Какая наглая ложь! Этого не только вымолвить, но и подумать нельзя!

– И я говорю то же самое,– сказал Варин с насмешливой улыбкой и издевательским тоном.

– Так-то оно так, а вот поди наберись храбрости и внуши это добрым квиритам! Они все в один голос настойчиво твердят об одном и осуждают увлечение твоего патрона прекрасной весталкой.

– А я повторяю: это сплетни!

– Я понимаю, милейший Апулей Тудертин, что ты должен так говорить. Это очень хорошо и вполне понятно. Но нас-то не надуешь, нет, клянусь жезлом Меркурия! Любви не скроешь. И если бы Красс не любил Лицинию, он не сидел бы рядом с ней на всех собраниях, не выказывал бы особой заботливости о ней, не смотрел бы на нее так нежно и... Ну, мы-то понимаем друг друга!

В эту минуту к Спартаку подошел человек среднего роста, но широкоплечий, с мощной грудью, сильными руками и ногами, с лицом, дышащим энергией, мужеством и решимостью, чернобородый, черноглазый и черноволосый. Он легонько ударил фракийца по плечу и этим вывел его из задумчивости.

– Ты так погружен в свои мысли, что никого и ничего не видишь.

– Крикс! – воскликнул Спартак и провел рукой по лбу, как будто желал отогнать осаждавшие его мысли. – Я тебя и не заметил!

– А ведь ты на меня смотрел, когда я прогуливался внизу вместе с нашим ланистой Акцианом.

– Будь он проклят! Ну как там, рассказывай скорей! – спросил Спартак.

– Я встретился с Арториксом, когда он вернулся из поездки.

– Он был в Капуе?

– Да.

– Виделся он с кем-нибудь?

– С одним германцем, неким Эномаем; его считают среди всех товарищей самым сильным как духом, так и телом.

– Хорошо, хорошо! – воскликнул Спартак; глаза его сверкали от радостного волнения. – Ну и что же?

– Эномай полон надежд и мечтает о том же, о чем и мы с тобою; он принял поэтому наш план, присягнул Арториксу и обещал распространять нашу святую и справедливую идею (прости меня, что я сказал «нашу», я должен был сказать «твою») среди наиболее смелых гладиаторов школы Лентула Батиата.

– Ах, если боги, обитающие на Олимпе, будут покровительствовать несчастным и угнетенным, я верю, что не так далек тот день, когда рабство исчезнет на земле! – тихо промолвил глубоко взволнованный Спартак.

– Но Арторикс сообщил мне, – добавил Крикс, – что Эномай хотя и смелый человек, но слишком легковверен и неосторожен.

– Это плохо, очень плохо, клянусь Геркулесом!

– Я тоже так думаю.

Оба гладиатора некоторое время молчали. Первым заговорил Крикс, он спросил Спартака:

– А Катилина?

– Я все больше и больше убеждаюсь, – ответил фракиец, – что он никогда не примкнет к нам.

– Значит, о нем идет ложная слава? И пресловутое величие души его – пустые рассказы?

– Нет, душа у него великая и ум необычайный, но благодаря воспитанию и чисто латинскому образованию им владеют всяческие предрассудки. Я думаю, что ему хотелось бы воспользоваться нашими заветными мечтами, чтобы изменить существующий порядок управления, а не варварские законы, опираясь на которые Рим сделался тираном всего мира.

После минуты молчания Спартак добавил:

– Я буду у него сегодня вечером, встречу там и с его друзьями и постараюсь договориться с ними относительно общего выступления. Однако опасаясь, что это ни к чему не приведет.

– Катилине и его друзьям известна наша тайна?

– Если даже они и знают о ней, нам все равно не грозит опасность: они нас не предадут, если мы даже и не придем к соглашению с ними. Римляне не особенно боятся рабов; нас, гладиаторов, они не считают сколько-нибудь серьезной угрозой для себя.

– Да, это так, мы в их представлении не люди. Даже с рабами, восставшими восемнадцать лет назад в Сицилии под началом сирийца Эвна¹⁰⁴, они считались больше, чем с нами.

¹⁰⁴ Эвн (или Эвион). – В Сицилии, житнице Италии, было сосредоточено большое количество рабов, работавших в огромных латифундиях. Сицилия стала ареной первого крупного восстания рабов (136 г. до н. э.). Этим восстанием руководил раб-сириец Эвн. Восстание охватило всю Сицилию. Сенат послал против восставших одного за другим консулов Кая Фульвия Флакка и Луция Кальпурнина Писона. Но они были разбиты. Только консулу Публию Рупилию удалось выиграть в 132 г. до н. э. несколько сражений и осадить город Энну. Измена помогла римлянам овладеть городом. Вождь восставших Эвн был

– Да, те для них были почти что людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.